

С.М.Толстая

Славянские мифологические представления о душе

Славянские верования о душе составляют чрезвычайно обширный и разнородный (как в структурном и содержательном, так и в генетическом отношении) комплекс представлений, не складывающихся в единую стройную систему и подчас трудно вычленимых из общего контекста народных воззрений на человека и устройство мира. Самое прямое отношение представления о душе имеют к двум сферам традиционной духовной культуры – к народной демонологии и понятиям о смерти, посмертном существовании и загробном мире. Более частный характер имеет их связь с верованиями, относящимися к животному миру (особенно к хтоническим животным), к растениям, к народной анатомии, метеорологии, астрономии и некоторым другим. Исследователи славянской народной традиции не раз делали попытки систематизировать и осмыслить огромный эмпирический материал о душе, накопленный в этнографических и фольклорных источниках, содержащийся в паремиологии и языке, реконструируемый на основе внешнего сравнения. К наиболее значительным попыткам такого рода относятся труды К. Мошинского [Moszyński 1967], Х. Вакарелского [Вакарелски 1939], В. Чайкановича [Чайкановић 1924/1994], П. Булата [Bulat 1922]. Общий взгляд на относящиеся к душе сведения позволил этим авторам вслед за В. Вундтом принять первичное, в полной мере отвечающее интуитивному восприятию, деление, разграничивающее круг представлений о душе живого человека, пребывающей в теле (“телесная” душа, серб. *везана душа, органска душа*), от верований, относящихся к душе умершего, к душе, покинувшей тело и ведущей отдельное от него существование на земле, в потустороннем мире или между мирами (“свободная” душа, серб. *слободна душа*). Эти достаточно автономные круги (условно “антропологический” и “космологический”) неравноценны по объему и содержанию, каждый из них имеет свое внутреннее членение и свой характерный набор разрабатываемых мотивов, сопрягается с разными сферами верований и представлен разными источниками. С антропологическим кругом представлений связаны по преимуществу темы субстанции души, местопребывания и передвижения души в теле, наделения новорожденного душой и отделения души от тела в момент смерти, временных отлучек души из тела (во сне, обмороке, обмирании и

т. п.); со вторым, космологическим – более широкий набор тем, включающий весь посмертный путь души от мертвого тела, через погребальный ритуал, пребывание на земле в поминальные сроки, до назначенного ей места в раю или в аду; затем образ существования души на том свете, ее периодические посещения земных пределов и родного дома; ипостаси, воплощения и вместилища мертвых душ, их демонологические свойства и т.п. Связующим звеном между этими сферами становится момент смерти, трактуемой как выход души (об этом подробнее ниже), а также сам мотив души, покидающей тело: в первом случае это выход души из тела во время сна, предполагающий возвращение; во втором – это полное отделение души от тела, т. е. смерть; в трактовке этих двух нетождественных актов наблюдается, однако, много общего.

В последнее время некоторые аспекты этой многогранной темы получили систематическое рассмотрение на славянском материале. Прежде всего здесь следует упомянуть серию лингвистических работ, в которых сделана попытка эксплицировать “языковой образ” души на материале современного русского языка. А. Вежбицкая в статье 1990 года [Wierzbicka 1990] обратила внимание на значительные различия в частотности и семантике английского слова *soul* и русского слова *душа*, за которыми стоят разные по объему и содержанию концепты: рус. *душа*, кроме религиозного значения, соответствующего англ. *soul*, включает в свой семантический спектр всю сферу внутренней жизни человека, но акцентирует в ней прежде всего эмоционально-психологическую сторону, в отличие от англ. *mind*, соотносящегося преимущественно с интеллектуальным и рациональным миром человека. Если по Вежбицкой, душа – одна из двух составляющих человека, противопоставленная второй составляющей – телу – по признаку принадлежности к духовному, трансцендентному, невидимому миру (тело же принадлежит к материальному и видимому миру), то в наивной антропологии, реконструируемой на том же материале А.Д. Шмелевым, отношения между душой и телом оказываются более сложными: душа, с одной стороны, противостоит телу как нематериальное материальному, а с другой – как бы “входит” в него как один из “органов”, который наравне с другими может *болеть*, *быть не на месте* и т.п. Душа воспринимается как некое “вместилище” внутренних состояний человека, а ее субстанцией является дух (наполняющий душу, но существующий и за ее пределами), подобно тому как субстанцией тела является плоть [Шмелев 1997]. Интересные наблюдения над “вещными коннотациями” слова *душа* в русской идиоматике (душа как сосуд, одежда, мешок, помещение, склад вещей, страница, жидкость, рыба, огонь, птица, путь, ландшафт, весы, чрево, росток, каркас и т.п.) предлагаются в работе [Михеев 1999].

В статье [Урысон 1999] на основании анализа значений, сочетаемости, контекстов литературных слов *дух* и *душа* утверждается, что стоящая за ними языковая модель человека не соответствует современным представлениям о мире, а отражает некий архаический образ, в котором сверхъестественные сущности дух и душа аналогичны материальным сущностям - органам тела и субстанциям тела, однако внутреннюю связь между этими понятиями, несмотря на наличие контекстов, в которых эти слова оказываются взаимозаменяемыми, восстановить на современном материале не удастся.

В работе [Дукова 1988] сделана попытка реконструировать древние славянские представления о душе по данным разных славянских языков и диалектов. Этимология праславянского слова **duša* определенно указывает на связь понятий “душа” и “дыхание” (характерную и для других индоевропейских языков) и тем самым отрицает исконность представлений о нематериальности души. Языковые данные, в особенности диалектная лексика и фразеология, позволяют восстановить многие важные параметры культурного концепта души, находящие поддержку в верованиях и фольклоре, и реконструировать отдельные праславянские клишированные словосочетания: **nikъdě žyvuje duše* “нигде нет живой души”, **kriviti dušq / dušejq* “кривить душой”, **duša se jъzъ tѣla dѣliti* “душа от тела отделяется”, **(razъ)dѣliti se s dušejq* “расстаться с душой”, **jъzъpustiti dušq (duxъ)* “испустить душу / дух”, **bariti se sъ dušejq* “бороться с душой”, **jъmѣti dušq na jъzъsъ* “иметь душу на языке”, **(sъ)bъrati dušq* “собирать душу”.

По данным лексики и фразеологии славянских языков, душа предстает в нескольких ипостасях - 1) как телесный орган: *душа болит, содрогается* и т.п., ее можно *вытряхнуть, продать, вложить во что-нибудь, вырвать* и т.п., причем телесная душа часто понимается сугубо материально, как предмет, который можно *разбить, разорвать, вытянуть* и т.п.; 2) как ёмкость, сосуд,местилище духовной субстанции (духа): ее можно *раскрыть* (чеш. *otevřít svou duši někomu* [Zaorálek: 83], *распахнуть*, она может быть *закрыта*, но к ней можно *подобрать ключи*; у нее есть *глубина* (рус. *до глубины души*, с.-х. *из дубине душе*), *дно, тайники и закоулки*; ее можно *наполнить, излить, выплакать* и т.д.; она может быть *широкой, полной и пустой*, опустошенной (укр. *порожня душа*); на душе может быть *легко, тяжело, светло, радостно*, но на ней может лежать *грусть, тоска, камень*; в нее можно *запасть*; в нее или на нее можно *войти, влезть* (с.-х. *ući kоти u duši* “войти кому-н. в душу”, *popeti se kоти na duši* “досаждать кому-н.”, букв. “лезть кому-н. на душу” [Matešić: 111]; на нее можно *брать грех* и т.п.; 3) как живое существо: душа может *радоваться* (укр. *душа/серце радується; душа тішитися* [ФСУМ 1: 277]), *замирать* (укр. *завмирати душею*. [ФСУМ 1: 283]), *рваться* (укр. *душа*

рвется [ФСУМ 1: 277]), *вываливаться* (псков. *душа валится, вывалилась* - о сильном желании, привязанности или страхе [ПОС 10: 67]), *проситься*, испытывать желания (укр. *куди душа забажає, захоче, запрагне* [ФСУМ 1: 281]) и изъявлять волю (ср. *по велению души*; укр. *за велінням души*. [ФСУМ 1: 285]), *петь, плакать* (бел. *душа заплакала* - о человеке расчувствовавшемся [Станкевіч: 337]), *пищать* (ср. словац. *duša ti piští za tým* “душа просит чего-то” [Záturecký: 191/N 84]; *až dusza piszczy* [NKPP 1: 507]) и т.д.; душа может *расти* (укр. *душа в гору росте* - о состоянии радостного возбуждения, подъема и т.п. [ФСУМ 1: 277]; пол. *až dusza rośnie* [NKPP 1: 507]), *гулять, спать* (чеш. выражение, характеризующее невнятно говорящего человека: *mluví a duše v něm spí* “говорит, а душа в нем спит”. [Zaorálek: 82]), *есть*, испытывать жажду, мыться, ощущать тепло и холод (рус. *согреть душу*, укр. *зігріти душу, охолождувати душу*. [ФСУМ 1: 286-287]; с.-х. *реči koga na duši* [Matešić: 114]; *душа горит*); она может быть *живая* (псков. *живая душа* ‘приличный человек’ [ПОС 10: 66]) и *мертвая*; ее можно *ранить*; она может иметь возраст (ср. чеш. выражение об умершем в детском возрасте: *měl starou duši* “у него была старая душа” [Zaorálek: 83]); она может быть *слепой*, но у нее могут быть и глаза (пол. *widzieć kogo/co oczami duszy* “видеть кого-н./что-н. глазами души” [NKPP 1: 507]) и даже душа (ср. пол. *dusza duszy* ‘нечто самое дорогое’). Каждый из этих образов связан со своим кругом контекстов и выявляет свой ряд характерных признаков, приписываемых душе. Несколько слабее очерчен в языке “информационный” образ души как “текста”, который можно читать (ср. рус. выражение *читать в чужой душе*), так же как и другие “интеллектуальные” или “этические” трактовки души (ср. чеш. выражение о глупом человеке: *mít chlupatou duši* “иметь волосатую / мохнатую душу” [Zaorálek: 83]; рус. псков. *кривая душа* ‘лживый человек’ [ПОС 10: 66]).

Трактовка души как органа тела подтверждается прежде всего универсальной синонимией слов *душа* и *сердце* во множестве контекстов: *душа / сердце не на месте; душа / сердце болит, разрывается; всей душой / сердцем; душевный / сердечный человек; бездушный / бессердечный* и т.д. В русских диалектах *душа* может обозначать “грудь” [СРНГ 8: 280], [ПОС 10: 66]. Душу объединяют с другими частями тела и ее предикаты: ее способность болеть, ныть, затекать и т.п. Вместе с тем, душа противопоставляется другим частям тела по ряду существенных признаков - не только часто приписываемой ей невидимостью и нематериальностью, но прежде всего своим более высоким “рангом”: она составляет вместе с телом (т.е. со всеми органами вместе) человека как целое, как живое существо, ср. такие выражения, как пол. *duszą i ciałem* “душой и телом, т.е. полностью, целиком, всем своим существом (быть преданным, принадлежать, отдаться и т.п.) [Skorupka 1: 194], с.-х. *biti dušom i tijelom uz*

koga “быть душой и телом, т.е. всецело, за кого-л.” [Matešić: 111], укр. *душею і тілом* “то же” [ФСУМ 1: 283].

Некоторые атрибутивные характеристики, приписываемые душе, отмечают такие ее физические параметры, как **размер**: душа может быть *великой* и *малой* (чеш. *mít v sobě malou dušičku* “испытывать страх” [Zaorálek: 83], ср. рус. *малодушный*), *короткой* (рус. карел. *душа коротка петь* - об отсутствии сил, интереса, энтузиазма [СРГК 2: 13]; заурал. *душа стаёт коротка* - об одышке [СРНГ 8: 281], **субстанция и фактура**: душа может быть *сухой* (чеш. *schla v něm dušička* - о человеке, испытывавшем страх, букв. “душа в нем сохла”; *mít zaschlou duši; zaschla v něm duše* - о человеке в предсмертном состоянии [Zaorálek: 83]), *тонкой* (чеш. *mít tenkou duši* - о худом, тощем человеке - там же), *мягкой* (болгары о мягком /тесте/ говорят: *мек като душа* [ФРБЕ 1: 483]).

Однако главное отличие души от других частей и органов тела состоит в ее способности **перемещаться** внутри тела и даже выходить за его пределы. Если в русском литературном языке душа *уходит в пятки* от страха и *готова выскочить* от волнения, беспокойства и т.п., то в других языках возможности ее перемещений под действием страха (реже - других сильных эмоций) значительно шире. Так, **от страха** душа может оказаться *не на месте* - на плече (пол. *chodzić z duszą na ramieniu* [НКРР 1: 510]), за ушами (чеш. *mít duše za ušima* [Zaorálek: 83]), в коленях (пол. *dusza tu już wlaźła w kolana* [НКРР 1: 510]), в пятках (пол. *dusza siedzi komuś w piętach; poszła, uciekła komu w piętę* [НКРР 1: 510]; рус. *душа в пятки ушла*; укр. *душа в п'яти тікає; душа в п'ятках опинилася* [ФСУМ 1: 278, 284]), в штанах (пол. *dusza uciekła tu do galot; ma duszę w portkach* [НКРР 1: 510]; чеш. *měl duši v gatích* [Zaorálek: 83]); душу можно *выпустить* и *выплюнуть* от страха (словац. *skoro dušu vypustil / vypl'ul* [Smiešková : 52]).

Но главным “контекстом”, в котором проявляет себя эта способность души перемещаться, оказываются выражения, характеризующие состояние крайнего изнеможения, смертельной усталости, болезни, иссякания жизненных сил **перед смертью**, перед окончательным выходом души из тела. О человеке, находящемся на грани жизни и смерти, говорят, что у него душа - **на языке** (с.-х. *dršće komu duša na jeziku* [Matešić: 111]; чеш., словац. *duša na jazyku* [Bartoš: 72]; [Záturský: 67/N 635]); **на губах** (чеш. *mít duši na pysku* [Zaorálek: 83]); **за зубами** (болг. *държа душата си зад зъбите; душата му е до зъбите* [ФРБЕ 1: 285, 289]); чеш. *mít duši za zuby* [Zaorálek: 83]; **в зубах** (болг. *носи душата в зъбите си; душата ми е/седи/се е запряла/се е събрала/е дошла в зъбите* [ФРБЕ 1: 286]); **в носу** (с.-х. *došla komu duša u nos; duša je/stoji/skupila se komu u nosu; nositi dušu u nosu; s dušom u nosu* [Matešić: 111]; серб. *душа му у носу стоји* - об умирающем [Чайкановић 1994/2:

262]); проклятие: *Душа ти на нос да излазила!* “Чтоб у тебя душа на нос вылезла” [Златковић 1989: 32]); **в горле** (с.-х. *stoji duša u grlu* [Matešić: 111]); под горлом (с.-х. *došla komu duša pod grlo* [Matešić: 111]); **в ямке на шее** (с.-х. *došla komu duša u podgrlac* [Matešić: 111]); **в кадыке** (с.-х. *duša stiže do jabučice* [Matešić: 111]); **под ногтями** (болг. *душа и под нокът остая; душа се крие и под нокът, душата ми е закрепила под ноктите* [ФРБЕ 1:285, 286]); **в ногте** (болг. *душата ми се е събрала в нокът* [ФРБЕ 1: 286]); **на ладони** (*čo hned' dušu na dlaň vyložíš/vychráčeš* [Záturecký: 293/N 468]); **на локте** (рус. псков. *хоть душу на локоть* ‘во что бы то ни стало’ [ПОС 10: 67]); **в костях** (с.-х. *jedva nositi u kostima dušu* [Matešić: 111]).

* * *

Как и во многих других случаях, язык удерживает на протяжении веков весьма существенные параметры культурного концепта, соотносимого со словами *душа*, *дух* и смежными или коррелирующими с ними языковыми единицами (словами и выражениями), однако сохраняемые языком признаки могут служить лишь косвенным источником, позволяющим восстановить древнюю (праславянскую, средневековую и более раннюю) наивную антропологию весьма фрагментарно. Несравненно более полную картину способны дать свидетельства самой устной традиции, ее вербальные и невербальные формы - верования, ритуалы, запреты и предписания, фольклорные тексты и т.п. В этой области в последнее время также появились новые работы, систематизирующие разнообразный и разноплановый материал этнографических описаний и фольклорных свидетельств. Л.Н. Виноградова недавно опубликовала весьма удачную и полезную сводку по одному из ключевых вопросов народной концепции души - по вопросу о многообразных воплощениях души (прежде всего души, покинувшей тело после смерти), о душе, принимающей облик птицы, насекомого, животного, растения, ветра, тучи, звезд, комет, блуждающих огней, предметов и т.п. [Виноградова 1999]. Этой же теме была посвящена интересная статья словенской фольклористки М. Менцей “Душа умершего в виде животного у древних славян” [Mencej 1995]. Краткое изложение основных славянских народных представлений о душе дано в словарной статье [Толстая 1999].

Настоящая работа, естественно, не может претендовать на полное раскрытие темы; в ней будут рассмотрены лишь некоторые ее аспекты, по которым автору удалось собрать сколько-нибудь репрезентативный материал; отдельные параметры и направления по необходимости будут лишь обозначены. Пожалуй, менее всего нового удастся сказать здесь о

мифологических в узком смысле слова аспектах верований о душе, т.е. о посмертном существовании душ в загробном мире, о демонических душах умерших, душах-демонах - отчасти по причине их лучшей изученности (см. статью Л.Н. Виноградовой в настоящем сборнике), отчасти - потому, что они требуют специальных предварительных разработок. Главное внимание мне хотелось бы уделить как раз тем мотивам, которые более всего “разрабатываются” в языке (субстанция души, соотношение духа и души, души и тела и др.), а также менее изученным пространственным и временным параметрам существования души, тому, что можно условно назвать **хронотопом души**. До сих пор не было, как кажется, обращено должного внимания на локализацию души во всех сферах ее обитания (как в микрокосме, так и в макрокосме: в человеческом теле, в освоенном жизненном пространстве дома, села, в “чужом” внешнем мире, в потустороннем мире) и на всех этапах земной жизни человека и его посмертного существования и, главное, на зависимость материальных воплощений души от этих временных и пространственных характеристик. На первый взгляд, эти мотивы далеки от мифологии; в действительности же они обнаруживают тесную связь с древнейшими мифологическими представлениями о мире и человеке и составляют органическую часть мифологической антропологии.

Народные верования о душе, какими их застают собиратели и исследователи XIX и XX вв., обнаруживают безусловное и значительное влияние христианского учения, однако усвоенные народной традицией христианские элементы предстают в ней в существенно измененном, мифологически “переработанном” виде, органически вписанном в мифологическую картину мира. Христианская концепция души исходит не из бинарной оппозиции (тело – душа), а из тернарной: тело – душа – дух. Апостол Павел различает в человеке дух (пнеума), душу (психэ) и тело (сома). Душа (психэ) оживляет тело, а дух (пнеума) обращен к возвышенному человеческому бытию, к жизни, вдохновляемой Духом Святым. Пнеума (= дух) будет спасен и станет бессмертным, ее освятит милость Божья; но влияние духа через душу (психэ) будет обращено и на тело, и тем самым на всего человека, такого, какому предназначено жить на этом свете и каким он станет снова после всеобщего воскресения. I-е послание ап. Павла Солунянам (У, 23): Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа. Послание ап. Павла к Коринфянам (ХУ, 44): Сеется тело душевное, восстает тело духовное, есть тело душевное и есть тело духовное. Отголоски такой трактовки души можно встретить и в народных верованиях, ср. полес. Дух на небо иде, а душа в землю», «Душа, вона шчо, вона нікуда не попадає, згниває» [ПА, Глинное Рокитнов. р-на Ровен. обл., запись И.А.Морозова]. Но, как

правило, дух и душа в народном языке не различаются (или во всяком случае не противопоставляются) и выступают как синонимы.

Наличие души в славянской народной традиции считается неотъемлемой чертой человека, его главным признаком, часто (но не всегда) признаком, отличающим его от животных; нередко, однако, этот признак приписывается только людям христианской веры, а иноверцам народное сознание отказывает в существовании души, наделяя их, как и животных, заменяющей душу «парой». По свидетельству Н.А. Иваницкого, вологодские крестьяне “у турок и евреев души не признают. “Это псы, от них псиной и пахнет”. Другие же признают в них душу, но называют ее поганой. У животных тоже отрицают душу. “У них пар, а не душа”.” [Иваницкий 1890: 118]. По верованиям владимирских крестьян, “различаются души мужского и женского пола, при этом отношение к последней крайне уничижительное: «у бабы не душа, а голик». По мнению крестьян, душа у людей другой веры “до Бога не доходит”. У животных же души нет, а есть “живой дух”... У животных души не бывает, за исключением медведя, у которого она имеет вид щенка” [БВКЗ: 145]; “Душа, по народному мнению, во всяком человеке, какой бы он ни был народности, одинакова, но при этом христианская душа – светлая, все остальные темные” (там же).

Среди славянских свидетельств о душе сравнительно часто встречаются упоминания о людях, имеющих **две души**; обычно двоедушие трактуется как признак демонический и опасный, характерный для людей-демонов. В верованиях карпатских украинцев и поляков “двоедушникам” приписывается способность управлять градовыми тучами и ливнями: во время сна одна их душа остается в теле, а другая, демоническая, покидает тело и отправляется на борьбу с тучей, а затем, отогнав тучу, возвращается в спящее тело. То же самое делают южнославянские “здухачи”, сражающиеся во сне с алами, предводительствующими градовыми тучами (см. [Левкиевская, Плотнокова 1999]; [Плотнокова 1999]). После смерти обладатели двух душ становятся опасными демонами - вампирами, атмосферными демонами и т.п. Нередко полагают, что двумя душами обладают беременные женщины: “Кождий чоловік має лиш одну душу. Дві душі може мати жінка, що носить у собі дитину, бо й та дитина має у собі душу” (Карпаты, Снятинский повет [Гнатюк 1912 а: 306]). То же верование отражено в полесском заговоре на роды: “святая прочиста Божа Мать приступи ида поможи ключики замочки атмукнитеса касточки (звать) разойдитеса пустите две души на белой свет адну невидную а другую грешную” (из тетради переписано Э.Г.Азимовым в с. Жаховичи Мозыр. р-на Гом. обл.). Тамбовские крестьяне до сих пор верят, что “у чиждой бабы две души – своя и дитячья, поэтому она двоедушница. А души они разные бывают: о каких не молятся, каких не поминают, те

души злые, неприкаянные. Вот такие тоже могут вселиться во чрево женщины, а она знать ничего не будет, пока ребенок не подрастет, поэтому в пост, перед праздником *плоть спускать* грех, а то неприкаянная душа вселиться может” [Поповичева 1998: 182]; “Люд раньше темный был – бабу чижелую как бы побаивались. У нее ведь душа в душе, и кто знает, какая в ней душа живет – добрая, праведная, Богом посланная, али злая, неприкаянная” (там же: 216).

Но в относительно редких случаях обладание двумя душами приписывается обычным, нормальным людям. Так, по верованиям силезских крестьян, “każdy człowiek posiada dwa duchy. Jeżeli przy chrzcie nadano mu tylko jedno imię, to po jego śmierci drugi duch (dusza), nie posiadający imienia, chodzi i napastuje ludzi” (каждый человек обладает двумя душами. Если при крещении ему дать только одно имя, то после смерти человека другой его дух (душа), не получивший имени, будет ходить и досаждать людям) [Lehr 1984: 231]. Македонцы-мусульмане из Скопской котлины считали, что “човек има две душе: једна је увек уз њега, а друга, за коју се ништа не зна, иде кад човек спава, шета и тако човек сања” (У человека две души: одна всегда при нем, а другая, о которой ничего не известно, выходит, когда человек спит, и блуждает, и это человек видит во сне) [Филиповић 1939: 496]. По представлениям македонских крестьян из окрестностей Охрида, “мачката има девет (според някои единаест) души и за това лесно не умира” (Кошка обладает девятью (а некоторые считают, что одиннадцатью) душами, и потому ей трудно умереть) [СбНУ 1898/15: 62].

Происхождение души.

В теме **происхождения души** следует различать две стороны: условно - этиологическую и антропологическую, т.е. вопрос о происхождении души как элемента мира и о ее появлении или зарождении у индивидуального человека. Этиологические легенды, восходящие к апокрифической книжной традиции и разрабатывающие ветхозаветные мотивы творения человека, трактуют появление души у первого человека в соответствии с библейским текстом и согласно с этимологией слова *душа*: сотворив Адама из праха земного (из глины, из теста и т.п.), Бог *дунул* в него и *вдохнул* в него душу (“И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душею живою” – Быт.2,7). В дуалистических легендах создание тела человека может приписываться сатане, а создание души - Богу; в рассказах об осквернении сатаной тела Адама часто говорится о том, что слепив тело Адама, Бог отправился на небо за душой. Популярными у славян оказались также воспринятые из книжных текстов архаические мотивы творения человека из элементов космоса, причем дух, дыхание, душа

обычно считаются происходящими от ветра: “От многих ли частей Бог сотвори первого человека Адама? *Ответ.* От осьми частей: первая от земли, вторая от моря, третья от солнца, четвертая от камня, пятая от облак, шестая от ветра, седьмая от света, восьмая от Святаго Духа. *Толкование:* От земли тело, от моря кровь, от солнца очи, от камня кости, от облак мысли, от ветра дух, от света свет, от Святаго Духа разум” [Зеленин 1915: 567]. Подробнее см. [Криничная 1989]; [Кузнецова 1998]; [Толстая 1998]; [Кабакова 1999].

Среди верований, не обнаруживающих прямой зависимости от книжных источников, к наиболее популярным объяснениям происхождения “индивидуальной” души относится представление о том, что души умерших переселяются в новорожденных: «Як человек умре, душа его наделяеца другому» [ПА, Жаховичи Мозыр. р-н, Гом. обл., запись Э.Г.Азимова]; “Буог сваго нічого нікому не дае: ані шчасця, ні долі, ні багатства, ні здароўя, ані нічога ніякусенькага ... Наэт і души Буог свае не дае як дзіця родзіцьсе, але у аднаго чалавека выме, а другому дасць: то адно умре, а на тое другое народзіцьсе” [Federowski 1897: 220, № 1031]. Весьма устойчивы подобные представления в восточносербском ареале: “Кад изађе душа из човека она се препороди у дете” (когда душа выйдет из человека, она возродится в ребенке); “Кад једно умре, друго се задија” (Когда один умрет, зародится другой); “Кад човек умре у исто време неко се роди. Душа уђе у дете” (Когда человек умрет, в это время кто-то родится. Душа войдет в ребенка); [Петровић 1939: 33]. При этом обнаруживаются противоречивые мнения относительно срока жизни переселившейся души – одни считают, что ребенок будет жить столько же, сколько прожил человек, чья душа досталась ребенку: “Кад човек умре, његова душа уђе у дете што се роди. Ако је душа старог човека, дете ће дуго да живи. Ако је душа младог, дете ће мало да живи. Колико је живео човек у кога је душа била раније, толико ће живети и дете” [Петровић 1939: 34]; другие же полагают, что ребенок проживет лишь столько лет, сколько “не дожил” до отпущенного ему срока прежний обладатель этой души: “Дете је умрло у другој години свога живота. Наше бабе кажу: То је била душа неког умрлог старца, коме је остало да живи још две године. – Тако бабе гатају, шта ја знам” (Ребенок умер на втором году жизни. Наши бабы говорят: это была душа какого-то умершего старика, которому оставалось жить еще два года. Так бабы говорят, а там не знаю) [там же]. По поверьям восточной Сербии, душа может возрождаться только трижды, иногда с интервалом в 500 веков: “Умре човек, дух оде горе. Прође 500 векова, дете се роди, уђе душа у њега. То су људи другога века. Опет човек умре и душа изађе, прође 500 векова опет се дете роди, душа уђе у њега. То су људи трећег века. Три пут се душа роди, прође пуно петстотина векова. После трећег века ко зна шта је с њом, с душом. Ништа.

Више се не враћа на земљу. Испадну векови кад се покојник (мисли се на душу) дигне. Трећи пут га нестане” (Умрет человек, дух отойдет вверх. Пройдет 500 веков, родится ребенок, душа войдет в него. Это люди второго века. Снова умрет человек и душа выйдет, пройдет 500 веков и опять родится ребенок, душа войдет в него. Это будут люди третьего века. Три раза душа рождается, пройдет много пятисотлетий. После третьего века кто знает что с ней, с душой. Ничего. Больше она не возвращается на землю. Пройдут века с того времени, когда покойник, т.е. душа отлетит. В третий раз ее уже не станет) [там же].

Часто считается, что человек рождается вместе с душой, которую кто-то (Бог, ангел) «вкладывают» в тело, но вопрос о том, когда и каким образом это происходит, решается по-разному. В частности, появление души может связываться с моментом зачатия (“Бог дает человеку душу в час зачатия, поэтому аборты делать грех” - тамбов., [Поповичева 1998: 171]), со второй половиной беременности или конкретно с моментом, когда ребенок впервые начнет двигаться во чреве матери: “В некоторых местах мужья избегают во второй половине беременности иметь с женой половые сношения, так как в это время ангел приносит младенческую душу и вкладывает ее в зародившегося ребенка” (Ростов. у. Ярослав. губ., [Попов 1996: 435]); “душа бере початок від матері немовляти і в той час входить у тілце, коли немовля перший раз порушиться” [Гнатюк 1991: 397]; “душу дает Господь. Душа от Бога. У его /ребенка/ душа ешо в утробе матери, в утробе матери назначается. Бо написано, шо в утробе матери назначается дитине и вик, скільки она проживе, а душа, шо бьется в животе дитина, бьется. Ише оно в утробе, але уже оно порушится, уже жить появляется и растет” (Речица Ратнов. р-на Волын. обл., запись Г.И.Кабаковой от информантки-баптистки). Ср. также др.-рус. “Тако и во оутробѣ женѣстѣ первѣе от сѣмени зижеть тѣло. по пѣти м(с)цѣствѣ же ду(шю)” (XIV в. [СДРЯ 3: 105]). По чешским верованиям, отраженным в заговорных текстах, Господь “вливает” душу в ребенка на сороковой день, и этот момент и считается “зачатием” ребенка: “Počalo se dítě v mateři své čtyřicátý den, když Pán Kristus do toho těla duši vlil...” [Вельмезова 1999: 11].

Что касается способов попадания души в человеческое тело, то в соответствующих языковых выражениях используются глаголы, создающие образ помещения некоего предмета в замкнутое пространство, такие как *вложить*, *всадить*, *всунуть* и т.п. Ср. пол. Pan Bóg stworzy, dusze włoży - i tyle “Господь сотворит, душу *вложит* и все”; Lepi, żeby był Pan Bóg duse we wirzbe wsadził, jak w ciebie, bo by sie kiwała “Лучше бы Господь душу *всадил* в вербу, чем в тебя; она бы хоть кивала” [NKPP 1: 187/N 511]; чеш. do čeho to pán Bůh duši vstrčil! “и во что только Господь душу *всунул*! – о глупом человеке [Zaorálek: 83].

Существует, однако, и другая точка зрения, согласно которой ребенок рождается без души или с “неполноценной” душой и только со временем и посредством специального ритуала (крещение, имянаречение) приобретает настоящую душу: по белорусским и украинским представлениям, до этого у ребенка не душа, а *пара*, как у животных и инородцев [СД 2: 659]; [Кабакова, рук.: 98]. Любопытное полесское свидетельство, согласно которому «Дитя до семи год души не мае, душа – це грих, вона у дорослих» [ПА, Глинное Рокитновск. р-на Ровенск. обл., запись И.А.Морозова] остается пока единичным.

Душа и тело.

В народной антропологии душа и тело составляют своеобразный бином: с одной стороны, они образуют неразрывное единство, ибо тело без души не может существовать, с другой – по многим важным параметрам противопоставляются друг другу. В значительной степени это противопоставление отражает христианскую концепцию души как высшего, бессмертного, праведного начала, связанного с небесным, божественным миром, и тела – как земного, “тленного”, низменного, греховного и “дьявольского”. Ср. полес. “Тело умирает, а душа на небо иде” [ПА, Новый Двор Пинск. р-на Брест. обл.] и еще выразительнее: “Душа йде в небо до Бога, а падло до землі” [ПА, Сварицевичи Дубровиц. р-на Ровен. обл.]. Привязанность души к телу в определенной степени продолжается и после смерти: бессмертная душа как бы сохраняет контроль над оставленным ею телом, присутствует при погребении, летает над могилой, следит за тем, чтобы тело было предано земле должным образом. Вологодские крестьяне воображали, что душа умершего, ходящая в продолжение сорока дней “по своим местам”, спрашивает: “Над чем плачут?” – “Над твоим телом”, – отвечают ей” [Иваницкий 1890: 116]. По поверьям крестьян Купянского у. Харьковской губ., “душа утопленников, тела которых не были вынуты из воды и не преданы земле, каждую ночь в виде собаки приходит к телу и воет на берегу, а потом бросается в воду и там стонет, свистит, кричит: О-ох! о-ой!” [Иванов 1893: 63]. В. Гнатюк приводит еще одно свидетельство П.Иванова: “В часі похорону супроводжує тіло на цвинтар і як його закопують, душа плаче та питає: Йой, а я де буду? А хрест, що закопують на могилі, відповідає: Не бійся, я з тобою– По похороні прилітає душа до хати і вечеряє. Потому навідується до дому в ті дні, коли її поминають. Поза тим душа не показується ніколи, хіба що покутує на землі за якісь гріхи” [Гнатюк 1912: VI].

Демонический характер душ “заложных” покойников, умерших “не своей” смертью, нередко объясняется тем, что связь души с телом была разорвана раньше времени, что душа покинула тело, не дождавшись

отпущенного ему срока бытия. По поверьям западных украинцев, души умерших несчастной смертью остаются на земле до того времени, пока должно было жить их тело [Потушняк 1941: 21], причем больше всего боятся висельника, т.к. если кто повесился, поднимается сильный ветер, который ломает и выворачивает с корнем деревья, срывает крыши с хат, уничтожает сады. Ветер бушует до того времени, пока висельника не похоронят, обычно три дня. Висельник страшит на месте гибели до тех пор, пока должна была продолжаться его жизнь. Самую большую силу он имеет во время слабого месяца (там же).

Местопребывание «живой» души (души в теле). К числу наиболее общих, часто не формулируемых представлений, относится убеждение, что душа помещается, живет, обитает в теле (а не рядом с ним, над ним и т.п.) [Moszyński 1967: 593-594], *внутри, в середине* и т.п. (сев.-запад и запад Польши), “в каждом кусочке тела” (пол. живец. «Во всем теле бывает душа, ведь когда палец отсохнет, в нем уже не будет души» [Moszyński 1967: 594]; др.-рус. “Тако и душа по всемоу тѣлоу дѣйствоуетъ пятыю слоугъ своихъ, рекше пятыю чювьствиѣи” [Срезневский 1: 749], т.е. понимается как жизненная сила, субстанция жизни. Такое понимание души отражено и во многих языковых клише, ср. распространенные обозначения смерти типа *душа вышла* и т.п. Чаше встречается представление, согласно которому душа локализуется в определенном месте тела, в том или ином ее члене или органе, ср. выражения, характеризующие аномальные состояния человека: *душа не на месте, в чем только душа держится*; рус. диал. орловск. *души нет* ‘волноваться, тревожиться’ [ОГ: 78].

Вместилищем души в теле могут считаться **сердце** (ср. рус. диал. петербург. *душа* ‘сердце’: «Душа у тебя так и дрыгае» [СРНГ 8: 281]); рус. волог. “душа у человека помещается в сердце, а исходит изо рта” [Иваницкий 1890: 118]; рус. арханг. “Душа – это сердце. Полсердца улетит [в момент смерти], а другая половина останется” [АА, с. Тихманьга]; польск. “Gdzie jest serce, tam dusza jest” (Где сердце, там и душа) [Moszyński 1967: 595]; сев.-белорус. и укр. подольск. «Душа везде в теле, но в сердце больше всего» [Moszyński 1967: 595]; польск. тарнопольск. “Dusza bije (pulsuje?) pod piersiami” (Душа бьет в груди) [Moszyński 1967: 595]; болг. пловдив. “Душата е като въздух, тя е в сърцето на човека, излиза при смъртта от устата му” (Душа – как воздух, она в сердце человека, выходит в момент смерти у него изо рта) [Арх. ЕИМ № 881-II]; болг. петрич. “душата се намира в лявата част на тялото. Кръвта ли ще е това” (Душа находилась в левой части тела. Видимо, это кровь). [Арх. ЕИМ № 776-II]; о соотношении души и сердца см. также [Никитина 1999]; **желудок**: “Душа сидит немного пониже [сердца], в желудке” [Даль 1996:

74]; **живот**: польск. “Dusza przebywa w piersiach albo w brzuchu” (душа пребывает в груди или в животе) [Moszyński 1967: 595]; укр. подольск. “U mężczyzny dusza jest koło serca, a u kobiety – w brzuchu” (У мужчины душа около сердца, а у женщины – в животе) [Moszyński 1967: 595]; болг. софийск. [Вакарелски 1990: 35]; **горло, глотка**: в Черногории “многи мисле да се душа налази негде у гуши, па је грехота око ње пипати” (многие считают, что душа находится где-то в глотке, поэтому грех дотрагиваться до этого места [другому человеку]; если же это случайно произойдет, следует подуть на пальцы) [Чайкановић 1994/2: 135]; **голова** (иногда даже мозг – польск. [Moszyński 1967: 594]): польск. живецк. “(Dusza jest) w głowie, bo jak mu [tzn. człowiekowi] głowę utną – to nie żyje, a jak rękę – to żyje” (Душа в голове, т.к. если голову отрезать, человек умрет, а если руку, то нет) [Moszyński 1967: 594]; др.-рус. “Доуша с□дить въ глав□, оумъ имоущи яко же св□тлое ѡко” [Срезневский 1: 749]; полес. “Душа седзиць ў галаве чалавека, а па смерци лециць да Бога белым голубцам або агончыкам, бо наче свечечка, а ў пекла чорным крумкачом” [Pietkiewicz 1938: 150–151]; болг. берковск. [Вакарелски 1990: 35]; **глаза**: польск. силезск. «Душа пребывает в глазах, а когда человек умирает, то глаза лопаются (*pekają*)»; «когда человек умирает, то из глаза выходит слеза, это и есть душа, которая вышла из тела» [Moszyński 1967: 594]; ср. также полес. “душа вышла – выйде дыханне, дыхне два раза, слёзы выкатят з очей; иак само и у скотины” [ПА, Стодолича Лельчиц. р-на Гом. обл.]. На Западной Украине (Снятинский повет, Львовщина) отмечено поверье, по которому, душа помещается в **зрачке**: “Про чоловічка в оці (здрічок, здрак) каже дехто, що се душа. Є люди, що дивлячись другому в очі, можуть того чоловічка з’їсти, а тоді чоловік тяжко занедужає, а – не ратований – може й зі світа піти” [Гнатюк 1912 а: 324]; “Тот чоловічок у оці, то душья того самого чоловіка”. “Інші кажуть: там продуває ангель-хранитіль того чоловіка” [там же: 307].

Вместилищем души могут считаться также **кости**. По сербским верованиям, “Док постоје кости, дотле живи и душа, и према томе постоји могућност за евентуално ускрснуће” (Пока существуют кости, жива и душа, и значит, сохраняется возможность воскресения) [Чайкановић 1994/5: 73]. Ср. еще серб. выражения *запекла му се душа у костима* (запеклась у него душа в костях) – об очень старом человеке; *дух му се у костима забио* (дух забился у него в кости) – о том, кто лежит, словно мертвый; *једва носим у костима душу* (едва ношу душу в костях) [там же]. Можно также вспомнить известный сказочный мотив воскресения из костей, обряд вторичного погребения и связанный с ним мотив почитания костей, сербский юрьевский обычай, по которому каждый член семьи должен откусить от жертвенного ягненка, но при этом ни в коем случае нельзя сломать кость, чтобы не лишить жертвенное животное возможности

воскреснуть [Милићевих 1894: 120]. см. еще [Чайканових 1994/5: 108]. Иногда душа понимается как вся внутренняя, невидимая часть человеческого организма, ср. пол. выражение *na gołą duszę* ‘натошак’, букв. “на голую душу”.

На Карпатах известные разные представления о месте пребывания души в теле: это может быть голова, сердце, **легкие, печень**, все тело, но у упыря душа помещается в **левом мезинце**: “у опиря душьа находит си у мизилнім палци на ліві руці. Єк би у опиря утеў тот палец, то він би умер, бо душьа зараз би вішла” [Гнатюк 1912 а: 306].

Представление о **крови** как субстанции жизни и души или обиталище души, относящееся вообще к наиболее распространенным (ср. библейск. «не ешьте крови ни из какого тела, потому что душа всякого тела есть кровь его – Лев. 17,14), К. Мошинский считает нехарактерным для славян. Однако, по-видимому, оно не чуждо и славянам. Так, согласно закарпатским верованиям, душа расходится по всему телу вместе с кровью: “Звичайна душа привязана до тіла і не відлучається від нього аж до смерті. Вона дає тілові життя. Без неї тіло мре, коли ж вона ніколи не помирає. Отже душа є тут життєвим принципом і умовою. Тут повстало питання про локалізування душі. Локалізують душу в серце і кров: “Душа усюди з кирвив у тілі, айбо у серцю май” - дістав я відповіді. Серце найбільше проявляє на зовні симптоми душі. Воно бється при страху, при радості. При смерті воно показує найясніше кінець життя. “Душа є тепла”, бо кров, з котрою вона розходитьсь по цілому тілі, є тепла, так само і живе тіло є тепле а мертво студене. В крові також знаходиться душа, тому душа, яка погинула, приходить на те місце і глядає свою кров. Кров немов може привести її до життя” [Потушняк 1938: 34-35]. Сходные представления отмечены и у болгар в окрестностях Пловдива: “Душата е кръвта. Щом спира кръвта и душата я няма” (Душа - это кровь. Как только остановится кровь, и души не будет) [Арх. ЕИМ, №879-П. 1973 г.]. Ср др.-рус. “изииде дша его. со кровью во адъ” [СДРЯ 3: 105].

Известны также представления о постоянных перемещениях души в теле, связывающие ее с идеей движения как формы и символа жизни. В Мазовше К. Мошинский записал верование, по которому “(dusza) tam siedzi, kto czym rucha; gdzie indziej jej wtedy nie ma. Jak kto idzie, to jest u niego w nogach, jak gada, to w twarzy, jak co robi rękami, to w rękach” (душа сидит в той части тела, которая движется; при этом в остальном теле ее в это время нет. Когда идешь, то душа в ногах; когда говоришь – в лице, когда делаешь что-нибудь руками, то в руках) [Moszyński 1967: 596].

Отделение души от тела во время сна.

Душа воспринимается как необходимая, конституирующая составляющая живого человека; отсутствие души означает смерть. Однако

временный выход души из тела возможен во время сна, “обмирания” и в некоторых других ситуациях, предполагающих обязательное возвращение души на место, в противном случае наступает смерть. Сон трактуется как временная смерть: душа выходит из тела и “ходит” вокруг; ср. рус. карел. выражение о сне – *душа вон*: Я ее намыла, уложила, сразу душа вон. [СРГК 2: 13]; полес. “во сне душа ходыть”, “во сне душа тулобо оставляе”, “во сне жывый да с покойныком бачыцца, душа вроди сходицца с покойныком” и т.п. [ПА, Озерск Дубровиц. р-на Ровен. обл., запись А.В.Гуры]; чтобы душе легче было выйти из спящего тела, нужно, ложась спать, расстегивать ворот одежды: *гузик рошчыпываты* [там же]. На Русском Севере полагают, что душа спящего летает по небу и может не вернуться, тогда говорят *потерялся* [АА, Тихманьга Каргопольск. р-на]. У всех славян известно верование, согласно которому, если спящего человека переместить или просто повернуть так, чтобы голова оказалась на месте ног, то он может умереть, т.к. отлучившаяся во время сна душа не найдет “входа” в свое тело и покинет его. По некоторым представлениям, спящего человека не следует трогать потому, что в отсутствии души он может лишиться рассудка: «Кажуть, як спить [человек], то нэ зачипай, нэ моно, бо без розума останется – душа його по свиту ходить [ПА, Щедрогор Ратнов. р-на Волын. обл., запись М.А.Бобрик]. Иногда представление о выходе души из тела во время сна относится только к двоедушникам (см. выше).

По верованиям украинцев, «за життя чоловіка душа тримається його постійно. Покидає його лише у сні. Коли чоловік спить, а йому сниться, що він перебуває десь далеко від свого місця, то його душа дійсно є там, а тіло лежить на тім місці, де чоловік ліг спати. У „непростих” людей, прим., відьом, душа відлучується від тіла також у сні і йде на „герц”. Через се коли би тіло відьми в часі сну обернув головою туди, де воно лежало ногами, душа, вернувши з „герцу”, не могла би втрапити до тіла, і відьма не встала б до попереднього положення» [Гнатюк 1991: 397]; “Чоловік, котрий є опирем, лігає спати, а душья з него віде тай іде до душ других опирів на гране [забава] або іде комус ікес зло робити пр. відобрати чужі корові молоко, а свої дати” [Гнатюк 1912 а: 306].

Душа, покидающая тело во сне, чаще всего представляется мухой, букашкой или червячком. В Полесье, на Ровенщине был записан рассказ о том, как дядька с племянником ходили косить сено. Когда в полдень дядька лег отдохнуть и заснул, то племянник увидел, как из открытого рта спящего вылетела муха и села на краешек миски с водой. Племянник положил поперек миски ложку, по которой муха переползла на другой край миски; потом муха подлетела к спящему и снова влетела ему в рот. Проснувшийся дядька рассказал, как во сне он гулял возле красивого озера, и когда перебрался через него по кладке, проснулся [ПЭС: 69-40].

В другом подобном рассказе душа выскочила изо рта спящего в виде мыши: “*Якшо сныцца, то душа ходыць*, и если того человека кто-нибудь *почэпае*, то *можэ умом тронуцца* [спящий]. *Душа мышэю прэвратыцца*, когда человек спит, и *лэзе ув нору* и видит тот свет *под землей*. Если человек видит во сне покойников или что-нибудь на том свете, это значит, что так душа его встречается с покойниками” [ПА, Лесовое Дубровиц. р-на Ровен. обл., запись А.В.Гуры]. Ср. еще: “Ночевали мужчины ў лесе, буў колодезь возле их. А водін так спаў моцно, что у него изо рта выскочила муш [мышь], побежала до колодца, напилась – и назад, в рот. А другие двое видели. Тот проснулся и говорит: “Как же мне пить хотелось!” А то была душа” [ПА, Стодоличы Лельчиц. р-на Гом. обл., запись О.А.Седаковой]. Мышиный образ души, покидающей тело во время сна, известен и сербам из Височской Нахии: “Кад човек спава, изиђе душа из тела, па иде преко брда и ћуприје. Човек сања оно куда душа хода, и кад се она врати онда се прене ... Душа је ко миш, фина и скичи. Кад не мере прићи преко ћуприје, одна све вришћи. Кад би ко ухватио тог миша, умро би тај човек чија је то душа” (Когда человек спит, душа выходит из тела и ходит по горам и мостам. Человеку снится то, где душа ходит, а когда она возвращается, он просыпается. Душа подобна мышь, она пищит и верещит. Когда ей трудно перейти через мост, она пищит. Если бы кто-нибудь поймал эту мышь, то сразу бы умер тот, чья это душа) [Филиповић 1949: 189].

Очень близкие к полесским поверья и рассказы были записаны в западной Белоруссии М. Федеровским: “кажуць, што як чалавеку сьніцца, што дзе далёко буў або што рабіў, то гэта такі праўда, што быў і рабіў, бо як чалавек засьне, то з яго душа вылезе, то ходзіць ўсюды і ўсё робиць, а посьле як назад ў цэло вернецься, то і чалавек прачхнецься”; “аднаго разу двух мужчынў ўсели сабе палуднаць пад высокім дзеравам: адзін зара заснуў, а другі люльку курыў і на яго пазіраў. Ажно бачыць той, вылезла ў яго з губы кузулечка і палезла на тое дзераво, пад каторым ены седзели. Лазила ена там, лазила па галінках, па лістках доўгі час, потым упала на зямлю і таму чалавеку назад ў губу ўлезла. Так ён зара прачхнуўся і кажа да другога: ... мне сьнілося, што я па гэтым дзераві лазіў, па лісточках чапляўся...” [Federowski 1897: 211].

Любопытное белорусское верование о душе, прикрепленной к телу лентой, отметил А. Богданович: “Во время сна душа выходит из тела и посещает разные места, в том числе и такие, которые недоступны человеку в бодрственном состоянии, как, например, загробный мир. Однако она не покидает тела совершенно. По мнению одних, она как бы вытягивается изо рта в виде неизмеримой ленты, которая одним концом остается в человеке, а другим может быть, где хочет” [Богданович 1895: 48]. При этом видеть сны называется *тризнитъ* [там же: 49].

По поверьям жителей польской Силезии, души лишается также роженица во время родов, поэтому необходимы специальные приемы наделения ее новой душой (весьма показательные в свете представлений о возможных воплощениях душ, см. ниже): “Kiedy kobieta odbędzie połóg, natenczas jest pusta, nie ma duszy, bo jej (tę duszę) zabrało dziecko; trzeba więc ugotować kurę lub gołębia i dać jej do spożycia” (как только женщина родит, она становится пустой, не имеет души, т.к. ее душу забрал ребенок. Тогда надо сварить курицу или голубя и дать ей съесть) [Moszyński 1967: 554]. Сербьы считают, что душа способна покидать тело и в других случаях: у знахарки душа, которая борется с нечистой силой, выходит из тела при зевании [Раденковић 1996: 78]; у ребенка душа может выскочить из тела, когда он поперхнется; чтобы это предотвратить, ему говорят: “Мышь! Мышь! Мышь!” [Чајкановић 1994/2: 266].

По широко распространенным поверьям, душа покидает тело и во время обморока и летаргического сна. В популярных рассказах об “обмираниях” душа спящего путешествует по “тому” свету, наблюдает мучения грешников и райскую жизнь праведных, встречается со своими умершими родственниками, но в конце концов непременно выясняется, что она попала туда раньше времени, по ошибке (вместо другого человека, носящего то же имя – серб. [Зечевић 1967: 83], и ее возвращают на землю, в оставленное ей тело, после чего заснувший человек просыпается и возвращается к жизни (а его тезка умирает). Часто в подобных рассказах фигурирует Бог, святой, ангел или провожатый, которые выносят свой приговор и отправляют заблудшую душу на землю, порой прибегая к насилию: “Ако утврди да се подаци не слажу, он [душовадник] враћа душу на овај свет често и на груб начин, при чему не искључују ни батине” (Если окажется, что данные не совпадают, то “душеводитель” возвращает душу на этот свет, нередко грубым способом, включая битье палками) [Зечевић 1967: 83].

Способность “отпускать” душу из тела по желанию, в любое время приписывается двоедушникам: “Є такі люди, шо називають сі *двадушні*, двадушники такі, як то у нас кажут *упирі*, упирьаки такі, – то из таких віходить душы, коли хахоче, як має ити на гирц, а из нас ирщених, то душы ни віходить, хіба як хрискьинин умирає. А ти упирі як умре, то ше ходит по свікі” [Гнатюк 1912 а: 250].

Расставание души с телом

Согласно народным представлениям, смерть – это отделение души от тела, расставание души с телом, выход души из тела тем или иным способом (ср. такие обозначения смерти, как рус. *испустить дух*, полес. *душа вийшла* [ПА]; *выплюнуты душу* [Климчук 1975: 138], с.-х. *раставити се са душом*, словац. *vydýchnut' dušu* [Chorváthová 1984: 173], и

т.п.), а агония часто понимается как “борьба с душой”: рус. диал. *бороться с душой* – об агонии (без места, [СРНГ 8: 281], ср. “Когда отец умер, то шишок с душой отца боролся” [ПОС 10: 65]). Выход души из тела может мыслиться как действие самой души, но часто он понимается как результат внешнего воздействия на душу: кто-то “приходит за ней”, “зовет” ее, “выманивает” с помощью золотого яблока (болг. троянск. рукопись БСУ), “вынимает ее из тела” и т.п. [Зечевић 1967: 82]: ангел, архангел Михаил, болг. *душевадник* и т.п., ср. рус. поговорку “Бог по душу не пошлет, сама душа не выйдет” (подробнее см. [Терновская, Толстая 1995]).

Хотя, как мы видели, в предсмертном состоянии душа может оказываться в разных частях тела, окончательно выходит она из тела главным образом через **рот**. Сербьы были убеждены, что «душа једна врата има» (у души есть лишь одни двери, т.е. рот) [Чајкановић 1994/2: 262] и что известный обычай завязывать рот покойнику сразу после смерти соблюдается из опасения, чтобы душа не вернулась в тело или чтобы в тело не вселился какой-нибудь злой дух. Болгары в районе Пловдива объясняли запрет хоронить на кладбище утопленников и висельников тем, что у этих покойников душа не могла “правильным” путем (т.е. через рот) покинуть тело: “Душата през смъртта излиза през устата, затова в миналото не са погребвали обесените и удавените при останалите мъртъвци на гробищата, защото душата им не е излязла както трябва” [Арх.ЕИМ № 878-II], ср. болг. “Отдето излиза думата, оттам и душата” (Откуда выходит слово, оттуда и душа) [Вакарелски 1990: 35]. По верованиям архангельских крестьян, “когда человек умирает, душа выходит с последним вздохом через рот. Через открытую дверь или окно она идет прямо на небеса, где Господь подбирает ее” [АА, д. Тихманьга Каргопольск. р-на]. Так же представляли себе кончину и болгары: “Душата е като въздух, тя е в сърцето на човека, излиза при смъртта от устата му, като хлъцне един два пъти и излази” (Душа – как воздух, она в сердце человека, в момент смерти выходит у него изо рта, всхлипнет пару раз – и выходит) [Арх.ЕИМ №881-III].

По верованиям владх северной Сербии, душа выходит через **нос**: “душа не напушта тело нагло, већ постепено, повлачењем од стопала према носу, преко кога коначно напушта тело” (душа покидает тело не сразу, а постепенно, продвигаясь от ступней к носу, через который она окончательно выходит из тела) [Зечевић 1967: 82].

На Карпатах встречается поверье, по которому душа покидает тело через **глаза**: “Душья при смерти виходит очима. Єк чоловік послідний раз глипне очима, то й душья у ті мінукі виходит” [Гнатюк 1912 а: 305]. Так считают те, кто локализует душу в голове (ср. также: “Єк чоловік умирає, то душья виходит з голови, с кімне”, т.е. “из головы, **из темени**”. Там же:

325); те же, кто помещает ее в груди или в животе, полагают, что выходит душа через рот: “Єк чоловік умре, то душа виходит крізь рот з послідним віддихом” (Там же: 305); те, кто понимает душу как дыхание, убеждены, что она выходит из тела через нос.

Прочие пути выхода души из тела расцениваются как аномальные, присущие колдунам, ведьмам и другим лицам, знающим с нечистой силой. Так, в Полесье полагают, что у ведьм, колдунов, самоубийц душа выходит через **задний проход** [ПА, Дубровица Хойниц. р-на Гом. обл.], а жители южносербской области Пирот подобных способов кончины желают своим врагам, адресуя им проклятия: “Душа че да ти на дупе излази ка појдеш на онија светі!” (Чтоб у тебя душа через задницу вышла, когда ты будешь умирать!); “Душа ти на ребрата искочила (испадала, излезла!)” (Чтоб твоя душа через ребра выскочила (выпала, вылезла)!) [Златковић 1989: 32].

Считается особенно опасным, если душа задержится в теле или вернется в него, тогда покойник может стать вампиром, демоном, поэтому было принято “сторожить” или “караулить” душу в момент кончины: чтобы убедиться, что душа благополучно покинула тело, в изголовье умершего ставили сосуд с водой, и по колыханию воды, в которой “обмывалась” вылетевшая душа, заключали о наступлении смерти. Страх перед оставшейся в теле душой заставлял смоленских крестьян Юхновского уезда “вытрясать душу” из покойника: “покойника трясут на пороге при выносе с хаты, в сенях и воротах, в поле, при вносе в церковь и при выносе” [Добровольский 1894: 307]. Демонизм и опасность двоедушников усматривается как раз в том, что одна из двух душ после смерти остается в теле: “Strzygoń albo strzyga jestto taki człowiek, który ma dwie dusze. Po śmierci, jedna wychodzi z ciała, druga zaś w niem pozostaje. Ta pozostała dusza ożywia ciało strzygonia, który chodzi po śmierci” [Стригонь или стрига – это такой человек, у которого две души. После смерти одна душа выходит из тела, а другая в нем остается. Эта оставшаяся душа оживляет тело стригоня, и он начинает ходить после смерти] (Польша, окрестности Славкова [ZWAK 1887/11: 11]).

По верованиям карпатских украинцев, у животных, в отличие от людей, душа не выходит из тела в момент смерти, а остается в теле и погибает вместе с ним. И только если в этом животном “покутовала” (отбывала наказание) грешная человеческая душа, то после смерти животного она либо освобождается и уходит на небо, либо вселяется в какое-нибудь другое животное .

Субстанция и ипостаси души.

Если душа, пребывающая в теле человека, обычно представляется нематериальной или имеющей воздушную, световую или вообще

бестелесную природу, то душа, только что покинувшая тело, чаще всего представляется мухой или птицей или вселяющейся в муху, птицу или другое живое существо. Вместе с тем, верования о выходе души из тела во время сна и возвращении ее обратно в виде мухи или мыши (самые распространенные у славян представления) не оставляют сомнений в том, что и в теле человека душа может мыслиться как живое существо. В полесской быличке об упыре, ходившем ночью по домам и убивавшем спящих людей, рассказывается, как упырь засовывал в горло спящему руку по самый локоть и начинал колотить, *добывая душу*, и только на третий раз сумел душу “добыть”: “Всадыв руку знов так само. И калатал-калатал, калатал-калатал и вжэ добуває. А то добуває такую птичку, пташечку такую билью, такую блыскучую пташечку. А то душа була ёго” (Пески Ратнов. р-на Волын. обл. [ПЭС: 68]).

Таким образом, народная традиция не дает отчетливого ответа на вопрос, высвобождается ли душа из тела умершего, уже имея облик какого-то живого существа, “превращается” ли она по выходе из тела в насекомое, птицу, животное, человека, предмет, подобно тому, как это способны делать, по поверьям, персонажи нечистой силы, или же она – тоже подобно демонам – “вселяется” в то или иное материальное тело, используя его как оболочку взамен оставленного тела человека. Когда речь идет о зооморфной душе, то идея “вселения” хорошо согласуется с представлением об отсутствии души у животных, в противном случае при вселении в животное души умершего человека получилось бы опасное двоедушное существо. Имеющиеся на этот счет свидетельства противоречивы. Мы можем встретить и утверждения, что “Коли чоловік умирає, душа вилітає з нього (найчастіше в виді мухи)” [Гнатюк 1991: 398], и свидетельства о том, что, душа, выйдя из тела, **превращается** в муху: “В Їевђелији и околини се верује да се душа излазећи из тела претвара у муху” [Ђорђевић 1938: 158], ср. также полесский рассказ о том, как однажды в доме, где был покойник, мужчина ровно в 12 часов увидел мышь: “у поўдзень як раз мушка круга мене бегае; то тая самая душа, мушкою здзелакас. Може здзелаца и коциком, чым хоч” [ПА, Дубровица Хойниц. р-на Гом. обл.].

Когда речь идет о многообразии материальных форм и воплощений души (бестелесные, “воздушные” и световые формы, насекомые, птицы, звери, растения, стихии, предметы, антропоморфные существа и т.д. – см. подробнее [Виноградова 1999]), нельзя не учитывать, что часто эти формы связаны с “хронотопом души”, с фазами существования души в теле и вне тела и с локусами ее обитания. Так, “воздушный” образ души (воздух, пар, дым и т.п.) в народных верованиях ассоциируется главным образом с живым человеком или только что умершим; напротив, “световые” и “огненные” воплощения душ чаще относятся к “свободной”

фазе их существования (после 40-го дня или даже после годового срока); насекомые и птицы, а также мыши чаще всего воплощают душу в период до сорока дней после смерти, т.е. до окончательного ухода души на тот свет или вселения в новорожденного, в животное и т.п.; реже эти же образы могут принимать души умерших, навещающие своих живых родственников в положенные сроки (в поминальные дни и периоды). По верованиям, записанным в восточных районах Сербии, “душа умрлог најпре лута четрдесет дана у облику птице, лептира или неке друге мале животиње око места где је покојник живео и тражи храну и пиће, нарочито ако умрли пред смрт своју, услед слабости или нечег другог, није ништа ни јео ни пио. После тога пређе у дете” (душа умершего сначала летает сорок дней в облике птицы, летучей мыши или какого-нибудь другого маленького животного вокруг того места, где покойник жил, и ищет еду и питье, особенно если умерший перед смертью по причине слабости или еще чего-нибудь ничего не ел и не пил. После этого душа переходит в ребенка) [Петровић 1939: 34].

Разумеется, мы можем говорить лишь о тенденциях и предпочтениях, но отнюдь не о строгих закономерностях. Во всех этих случаях речь идет о душах обычных, “чистых” покойников в отличие от заложных покойников, т.е. самоубийц, умерших преждевременно, насильственной смертью, а также о душах колдунов, ведьм, великих грешников и т.п., которые, по общим представлениям, имеют иные воплощения и особые локусы и формы существования. Например, в виде ветра и вихря по большей части летают души заложных покойников, особенно висельников (см. подробнее [Виноградова 1999: 144-145]); в виде ночных птиц: филина, совы, сыча, – злые души, души умерших некрещеных детей [Гура 1997: 572–574], в виде кошек и собак – души нечистых покойников и т.п.

Посмертный облик души нередко связывается с праведностью или греховностью ее обладателя. По верованиям полешуков, «птичкой може сделаться душа только у праведного, у гришного нет» [ПА, Бостынь Лунинец. р-на Брест. обл.]; «если Бог полюбит, то посылает его душу у хорошую птицу, лошадь, корову, а як Бог не полюбил – его ў собаку, у вредную корову» (там же, запись Г.И.Трубицыной). Для противопоставления праведных и грешных душ используется также цветовой код: «душа праведного вылетает белым голубем, грешного – черным» (тамбов. [Поповичева 1998: 171]); антропоморфные души праведников одеты в белые одежды, души грешников обращаются в зверей черной масти – собаку, кошку, волка, ворона, жабы (полес. [Виноградова 1999: 153]. По мнению юхновских раскольников на Смоленщине, «ветры – души умерших людей: ветры тихие и теплые –

души людей добрых, а ветры буйные и холодные – души людей злых и порочных» [Добровольский : 112].

Душа, находящаяся в теле, а иногда и вышедшая из тела, в народном представлении может быть **невидима**: полес. “Душу не можно побачити, йийи можно тильки почути” [ПА, Глинное Рокитнов. р-на Ровен. обл., запись И.А. Морозова]; “Душа – вона невидима, але слышна. Говорять: выходила душа и ишла по хате и шлеп гдэсь в углу. Сорок ден душа так ходить” [ПА, Задворяны Пружан. р-на Брест. обл.]; согласно другим представлениям, душу может увидеть только безгрешный, “чистый” человек [ПА, Стодоличы Лельчиц. р-на Гом. обл.]. Известны также специальные магические приемы, с помощью которых можно увидеть невидимую душу, причем они в точности повторяют приемы, применяемые для того, чтобы увидеть нечистую силу (ведьму, домового и т.п.): “нельзя душу побачыць. Если колдун умирае, наложи хомута и керез хомут дывысь, будэш бачыты, як ёго [душу] лихия забирають” [ПА, Онисковичи Кобрин. р-на Брест. обл.]; “На Щэдрэц на чэрдаку коло комына як мать народыла гола обойти тры разы круг комына, так душу увидыш” [ПА, Рубель Столин. р-на Брест. обл.]. Потому о форме или субстанции души можно говорить главным образом применительно к душе, покинувшей тело во время сна или при наступлении смерти.

Субстанцией или ипостасью души, только что отделившейся от тела, в народных представлениях могут быть и чаще всего называются **воздух, дух, туман, пар, дым**: полес. “Душа – воздух. Прамо пошоў воздух, вышеў и всё” [о моменте смерти] [ПА, Мокраны Малорит. р-на Брест. обл., запись Н.А.Волочаевой]; “Душа духом выходит” [ПА, Дубровица Хойниц. р-на Гом. обл.]. “Ночью на кладбище можно увидеть пару, это душа человека. Она в виде белого воздушного столба” [ПА, Кочище Ельск. р-на Гом. обл., запись Э.Г.Азимова]; «[Душу] нихто не бачиў, но колись дитятко мучилось, так говорят, дымочок покатиўса, а чи то смэрць, чи душа» [ПА, Хоромск Столин. р-на Брест. обл., запись Н.А.Волочаевой]; “Клубок копошица по хате, как воздух, як вона канала. Бо то душа!” [ПА, Бостынь Лунинец. р-на Брест. обл., запись Г.И.Трубицыной]; «Муй тато сказываў: от, як его батько помираў, он около него стояў и от, як из мула робяць пузырь синий таки вылетел з його, то дух, воздух выскочил, ну, и, значит, помре он» [ПА, Тонеж Лельчиц. р-на Гом. обл.]. По свидетельству А. Богдановича, в Белоруссии “многие положительно уверяют, что они, будучи при умирающем, видели, как душа выходит изо рта в виде пара. В Малороссии, наоборот, крестьяне полагают, что душа, подобная пару, существует только у нехристей” [Богданович 1895: 50].

Близки к полесским южнославянские представления о “воздушной” субстанции души: болг. “Когато човек умира душата излиза през уста му във вид на въздух (пара, мъглица) или насекомо (мушица, пчела)” (Когда

человек умирает, душа выходит у него изо рта в виде воздуха – пара, тумана – или насекомого –мухи, пчелы) [БМ: 105]; серб. “Душа је дук, ваздук” (Душа – это дух, воздух) [Петровић 1939: 32]; “Душа је дух.Дух је душа. То је једно, није двоје” (Душа – это – дух. Дух – это душа. Это одна, а не две <сущности>” [там же]; “Душа је само дах, па кад човјек последњи пут издахне,издахнуо је и душу” (Душа – это лишь дыхание, и когда человек последний раз вздохнет, то и душу выдохнет); “Душа је као магла која изађе из човека чим умре” (Душа похожа на туман, который выходит из человека перед смертью) [Чајкановић 1994/5: 74, 75].

В Полесье, на Гомельщине, бытует поверье, что “воздушная” душа, покинув тело, принимает образ **человека**: “Душа тенем таким як чалавек ля мертвао ходзиць” [ПА, Дубровица Хойниц. р-на Гом. обл.]; “Душа – столб выходит, на человека похожий” [ПА, Великий Бор Хойниц. р-на Гом. обл.]. В западной Белоруссии душу представляли себе в виде маленького человека, иногда с крылышками, как у ангела: “Душа чалавека ў такой самой постаці як чалавек: гэта цела у целі, адно вылезе ды ідзе да неба або куды ему Буог празначыў, а другое цела тут застаецьсе” [Federowski 1897: 219, № 1023]; “Душа чалавека такая сама як чалавек, анно маленька” [там же: № 1024]; “Душа с целам, бо як выдзе з чалавека (v. дзіцяці), то ангелам летае, а и его цела так само як у тулуба грешнаго анно што с крыльцамі” (там же: № 1025). На Черниговщине записано любопытное верование, по которому после смерти человека выходящий из него воздух (душа) постепенно принимает форму человеческого тела: “Человек умирае – дух-то выходе. Пара так иде, иде, складаеца: руки, ноги, галава и – пашоў на покути. Яки стоўп стаў. Нэ видно. Я бачыла, батько так [стоял, когда умер]”; из душ на небе образуются облака и тучи: “Це хмары – це душы мруць и на небе сабираюца – небо держать” [ПА, Дягова Менского р-на Черниг. обл., зап. Е. Какориной]. Антропоморфный образ души известен также по древнерусским книжным и иконописным сценам кончины, где душа изображается в виде маленького человечка над головой почившего.

Независимо от того, какой облик принимает душа, ей приписываются «человеческие» потребности и привычки: души нуждаются в еде (ср. многочисленные ритуалы «кормления душ») и питье (по сербским верованиям, покойники «увек жедни» [всегда испытывают жажду]); они могут замерзнуть (ср. «В средней России по сие время говорят, когда влетит зимой в дом птица, «упокойничек озяб: пичужкой погреться прилетел». Покровский у. Владим. губ. [Соболев 1999: 78]) и им необходимо тепло (ср. обычай «греть покойников», возжигая для них костры на могилах или во дворе, на огороде); они могут устать и захотеть отдохнуть; им необходима вода для мытья и полотенце для обтирания; им нужен свет, и потому для них возжигают свечи, чтобы они не плутали

впотемках; они обижаются, если им не приготовить еду в поминальный день; они воссоединяются со своими супругами и живут семейной жизнью; они нуждаются в слове Божиим и приходят в церковь в полночь перед поминальным днем (Карпаты); души детей хотят играть, поэтому в гроб умершему ребенку кладут игрушки или оставляют их на могиле (Полесье). Наряду с этим, существуют поверья, согласно которым, души ничего не едят, а только «водою полощутся» [ПА, Хоромск Столин. р-на Брест. обл.]; что души могут питаться только паром от еды (ср. [Гнатюк 1991: 398]) или только нюхать пищу (ср. подобное представление о русалках), что они с того света не видят и не слышат (ср. [Federowski 1897: 219, № 1026]) и т.п.

По данным Г. Булашева, украинцы на Холмщине и в Каневском повете считали, что душа имеет вид маленького ребенка с крыльями, а крестьяне Харьковского повета представляли себе душу в виде маленького человечка с чистым и прозрачным телом [Булашев 1993: 92]. Близкие к этим образы души известны на Владимирщине: “Душа, по представлению крестьян, – малый человек, но нет в ней ни костей, ни мяса” [БВКЗ: 145]. К.Мошинский записал в Полесье (в д. Дорошевичи) рассказ об обмирании, в котором рассказчица, сама ходившая во сне по тому свету и наблюдавшая его обитателей, сообщила, что встречалась с душами разного размера, в зависимости от возраста умерших людей: “Иду я тым шляхом – идуць вяликие души; стали витацьса зо мной и кажуць оны мне, што за што грех. Далє стали ици середние души, и тые повитаюцца, дай кажуць, што за што грех. А далє идуць такие, от такие мальчыки (показала на локоть высотой), а далє лецяць, так як комары тые, што сеодня родзицца, а вечером помре, лецяць и кажуць, што за што грех” [Moszyński 1928: 170]. Ср. болгарский рассказ из Панагюрско, приведенный Вакарелским, в котором размер «воздушных» душ соответствует возрасту умерших [Вакарелски 1939: 25]. Гораздо чаще антропоморфный образ принимают души «ходячих» покойников, появляющиеся перед своими живыми родственниками в собственном прижизненном виде.

К бестелесным формам существования души относятся ее “световые” образы – **тень** и **свет**, первая из них ассоциируется со временем, следующим за моментом смерти (до погребения или 40-го дня), а вторая – с периодом после 40-го дня: «Раз мни бабы рассказывали, что чэловик уж умер, так тень все ходила по стенам – то душа була. А у той хати комин закрытый и окна, так открыли комин, и вона вышла [ПА, Дубровица Хойниц. р-на Гом. обл., запись Н.А.Волочаевой]; “Душа – это тень человека. Когда человек умирает *до сроку*, его тень (душа) может ходить” [ПА, Великий Бор Хойниц. р-на Гом. обл.]; “Душа је сенка. Кад човек умре из њега изађе његова сенка” (Душа – это тень. Когда человек умирает, из него выходит его тень” [Петровић 1939: 33]. Ср. сербский обычай в

Сочельник (*Бадњи вечер*) наблюдать тени, отбрасываемые людьми на стену от пламени свечи: тот, кто не отбрасывает тени, умрет в наступающем году [Милићевећ ЖСС: 163]; то же, по данным Афанасьева, известно русским [Афанасьев 1995: 296]; ср. также верование, по которому, можно замуровать в стену тень человека, и тогда он умрет [Чајкановић 1994/5: 75]; полес. «Душой считали светящееся облако над свежей могилой» [ПА, Николаево Каменец. р-на].

В виде **огонька**, небольшого пламени представляли себе душу, выходящую из тела в момент смерти, македонцы: “Душата излиза от човека като пламъче” [ЕМ: 328]. Но чаще в таком виде представлялись души после погребения тела и вообще после сорокадневного периода, души, пребывающие в земле, в могилах: русские Заонежья опасались вечером ходить на кладбище или в лес, так как там можно было увидеть огоньки – души предков, которые дают увидевшему их знак собираться в мир иной [Логинов 1993: 111].

Душа может представляться как **отражение, изображение** человека в зеркале, в воде (колодце), на масляной поверхности [Чајкановић 1994/5: 74–76]. Обычай закрывать зеркало или оборачивать его к стене, когда в доме случится смерть, объясняется часто тем, что душа умершего может “остаться” в зеркале (или в сосудах с водой) в виде отражения и затем вредить обитателям дома. По этой же причине, т.е. из страха перед возможными обитателями зазеркалья – душами покойников, мужчины на Балканах брили друг друга, чтобы не пользоваться зеркалом и уберечься от душ-отражений: “При южните славяни бръсненето се е извършвало един път в седмицата или срещу празник. Мъжете не са бръснали сами, а взаимно един друг, тъй като не са използвали огледало. Елиминирането на огледалото в случая е твърде сходно с покриването му при смърт и несъмнено е предизвикано от страха на живите от сенките на мъртвите, които биха могли да навредят на отразените им образа, т.е. на душиите им” [Петрова 1982]. Отражение в воде или масле тоже могло ассоциироваться со смертью и душой: подобно тому как по тени от свечи на стене сербы в рождественский сочельник гадали о жизни и смерти, по наличию или отсутствию отражения в колодце или растопленном жире можно было определить, будет человек жить или умрет; этот мотив популярен в южнославянском фольклоре (подробнее см. [Толстой 1996]).

Из всех зооморфных образов души с моментом смерти более всего связаны образы птиц, мух и мышей (о преобладании птиц и насекомых говорит и самый частый «предикат», соотносимый с душами, расставшимися с телом, – они, как правило, *летают*): «Зроду каем, што птици – души човечи. Як хто умрэ, прилетит якая птичка – от, кажутъ, гэто его душечка прилетела» [ПА, Рубель Столин. р-на Брест. обл., запись Н.А.Волочаевой]. «Одна женщина умерла, и когда несли ее гроб, впереди

птичка летела. А потом влетела в окно и над колыбелью кружила. Тая женщина дитя оставила» [ПА, Хоромск Столин. р-на Брест. обл., запись Н.А.Волочаевой]; «Говорили, что каждая человеческая душа превращается в птицу. Поэтому птиц убивать нельзя. Бусел и ластоўка – божьи птицы» (там же); полес. «Умрэ умрэц, ятэл клное, где покутна стина, и тада уже забирае тую душу. И сорок дэнь вона будэ прыпадать до окна, як пташка» (ПА, Мокраны Малорит. р-на Брест. обл.). Ср также словац. «Душа отходит в образе птицы через окно» (Бенюш [Bednárík 1943: 66]).

В некоторых рассказах в образе птицы или мыши может совмещаться или смешиваться представление о душе и о смерти (**душа-смерть**), об этом свидетельствует появление птицы или мыши при умирающем до того как наступила смерть, т.е. до выхода души из тела. Ср. полесский рассказ о том, как возле умирающей девушки увидели мышь ночью: «Вона, Юхимка на премости лежала, а я коли ее на земни. И батька, и мати позасыпляли уже. И тако я бачу – ну, бразнули двери, очинилися трохи, и идэ мешь до еи, до теи Юхимки, так нехудко идэ и просто до еи и тако пид премость. А я злекалася и хотэла еи будити. Юхимка стала кричети. Збудила мати чоловика свово, а вона (Юхимка) уже умирае» [ПА, Щедрогор Ратнов. р-на Волын. обл., запись М.А.Бобрик]. Так же рядом с умирающим может появляться в подобных рассказах птица.

Особое положение среди птиц, воплощающих человеческие души занимает **кукушка**. По большей части в виде кукушки прилетают к своим родным души, окончательно расставшиеся с земным миром и уже нашедшие свое место на том свете: «От вона, зозулька прилетае до Паски ще, то каже, душечка прилетила. То й у мэни було тако – мати и брат разо умэрли; як станешь плакати та як вийдешь на двир – вона и куде пушче. И як вона прилитае ў садок и починае ковати, то говорят: то уже мэртвый прилетеў, шкодуе свово мисця» [ПА, Щедрогор Ратнов. р-на Гом. обл., запись М.А.Бобрик]; то же можно сказать о **бабочке** и **мотыльке** (см. [Гура 1997: 486-491]; [Терновская 1989] ; [Разумовская 1984]); ср. еще *душа*, *душечка* как название бабочки (калуж., ярославск. [СРНГ 8: 280]).

Очень редко встречаются верования, по которым душа может принимать предметный образ, например, появляться в виде **цветка** или **яйца**: «Як умирае чэловик, то из рота у него выскакывае цвэток синенький, чы вишневый, чы смешаный, то душа его» [ПА, Тонеж Лельчиц. р-на Гом. обл.]; «як выходыт душа, там таким яйчком полэтыт и пакотица да парога» [ПА, Дягова Менск. р-на Черниг. обл.].

Хронотоп души

Локусы и материальные воплощения души, освободившейся от тела, определяются временем и маршрутами ее перемещений, совершаемыми ею круговыми движениями сначала вокруг покинутого тела, затем концентрическими кругами все далее и далее от начала движения и до ее постоянного пристанища на том свете, откуда, однако, она тоже совершает периодические отлучки к местам своего земного бытования. По закарпатским поверьям, “когда тело на лавице, душа сидит в окне, когда происходит *отпровод*, летает над гробом; во время проводов тела на кладбище летает вокруг, ... когда тело опускают в могилу, душа садится на крест” [Потушняк 1943: 177].

В “расписании” перемещений и воплощений души четко выделяются: момент смерти, момент погребения, первые 3 дня после смерти, кое-где 7 дней (например, на Балканах – см. [Филиповић 1949: 183]; [Vukanović 1986: 323]), повсеместно 9 дней, часто – 12 дней, нередко 20 дней и всегда – 40 дней (иногда обозначается как «шесть недель»). Из них самой значимой границей, отчетливо осознаваемой во всех локальных традициях, является **сороковой день**, когда, согласно народным и христианским представлениям, душа умершего окончательно покидает землю и отправляется к Богу, на небо, на Божий суд и т.п. («Через сорок дней душа приходит на место» – семейские Забайкалья [Юмсунова, Майоров 2000: 13]. Промежуточные границы (3, 7, 9, 12, 20 дней) имеют неодинаковую значимость в разных регионах.

Согласно болгарским верованиям, «душата играе до 40-то деня по земята, дето е ходил живият; на трите деня, на деветте, на двадесетте и на четиридесетте душата се изповяда, та и ульокнува и тогай се връща на небето» (Соколовци) (душа *играет* до 40-го дня на земле, там, где ходил человек при жизни; на третий, на девятый, на двадцатый и на сороковой день душа *исповедуется*, ей становится легче и тогда она возвращается на небо) [Вакарелски 1939: 20].

Иногда считают, что именно в эти дни душа посещает дом, что ангелы носят душу по разным местам, где человек грешил, и в 3, 9, 20 и 40 день приносят ее в дом, где душа пьет воду (владимир. [ЭО. 1914. № 3-4: 89]) или что в сорокадневный период она приходит в дом только по ночам. По верованиям уральских крестьян, душа невидимо прилетает домой в девятый, двадцатый и сороковой день и даже иногда дает о себе знать зримо, поэтому во все эти дни крестьяне старались *ублажить* душу. По мнению одних людей, “душа до сорока дней все дома находится”, по мнению других, “душу в сороковой день по божьему писанию *сажают на место*”. До трех дней водят душу по мытарствам. С третьего дня ей показывают все, что она хорошее делала. В девятины душу домой приводят (д. Лопва быв. Чердынск. у.). Все эти дни на окне стояла чашка с водой, рядом или за окном висело полотенце, “чтобы душа, заглядывая в

дом, могла напиться, умыться и вытереться. На стол клали скатерть, не убирая ее также в течение сорока дней – “чтобы пусто не было душе” (с. Юрла, д. Ильинское). Кроме того, стакан с водой и хлеба краюшечку ставили на полочку у икон и каждый день (в течение шести недель) меняли воду и хлеб.... Меняя хлеб и воду, хозяева сами съедали пролежавший целый день у иконы кусок хлеба, а воду выпивали” [ПЗП: 302–303].

Сороковой день отмечает не только пространственное отделение души от мира живых (“проводы души”) и приход ее “на место”, но и принципиальное изменение ее природы – превращение души из потенциально демонического существа, только что расставшегося с телом и “временно” вселившегося в насекомых, птиц и т.п. и потому опасного для живых, – в обитателя потустороннего мира, в предка, общение с которым узаконено и регламентировано во времени и формах. Именно в этот момент происходит превращение *души-1* (‘орган тела’) в *душу-2* (‘покойник, умерший, предок’). Этот смысл сорокового дня хорошо понял исследователь закрпатской народной традиции Федор Потушняк: “Из развития понятия о душе (страх) получилось понятие о предках (культ). Поэтому собственно похоронные псалтыри и разные обряды, как и забавы, – это все для души. После похорон душа три дня на земле. Ночью еще раз посещает хату, в том виде, в каком она хочет. Потом она еще является на девятый, а потом уже только на сороковой день. На Маромороши на сороковой день умершему звонят во все колокола, а бедным дают *обеда* (это относится и к душе, и к предкам). В других местах в девятый и сороковой день дают псалтырю. После этого душа уже полностью принадлежит тому свету; она становится не той душою, которую надо бояться, а жителем высшего света и не чем другим, а мертвым человеком, живущим на другом свете, в небе. Отношения, которые теперь начинаются, отличаются в основе своей от отношений во время похоронного обряда – там душа была демоническим существом” [Потушняк 1943 а: 198].

Однако то, о чем писал Ф.Потушняк, касается обычных, “чистых”, т.е. умерших своей смертью покойников, по отношению к которым были соблюдены все положенные ритуалы и которые сами придерживаются существующего регламента общений с живыми родственниками.. Опасность приходов такого покойника (как до сорокового дня, так и после) состоит лишь в том, что он может по какой-либо причине “задержаться” на земле дольше положенного времени, и тогда он станет “искать” свое тело и, найдя его, превратится в ходячего покойника. Но его появление в доме и вблизи него в течение сорока дней после смерти и в другие положенные сроки не представляет серьезной угрозы для родственников: “Душа ходыт до сорока дни – ишчэ нэ принята там и

ходьт. Казалы, хто вэьми начне ходьт, батюшко молэбэн отправьт, посвятят хату” [ПА, Олтуш Малорит. р-на Брест. обл.].

Совершенно иначе и прямо противоположным образом оценивается хождение вне разрешенного времени: “До сорокового дня домой ходит покойник, а после этого дня ходит дьявол в облике покойника. Он может задушить. Его нельзя пускать. Это нечистая сила” [АА, Тихманьга Каргопольск. р-на].

Более древним, по-видимому, следует признать представление о том, что душа остается в доме и вообще на земле лишь до тех пор, пока в доме находится покинутое ею тело или пока тело не погребут. На Карпатах, по свидетельству корреспондентов В. Гнатюка, верят, что душа, выйдя из тела, остается в хате: “Остає доти у хакі, поки кіло [тело] у хакі, а єк віднесут до гробу, то душья іде ўже по свою заслугу до неба або до пекла або на чистові муки” [Гнатюк 1912 а: 306]. По другим поверьям, душа отправляется восояси, когда по ней начинают звонить колокола, или когда приготовят поминальный обед, или когда начнется заупокойная служба и т.п. Наряду с ними, нередко считается, что душа покидает землю сразу же по выходе из тела (“Душья єк віде з кіла, так у тот раз іде до неба”) или же в момент предания тела земле (“єк кіло [тело] проваде до гробу, то душья сидит у головах, а єк кіло спустє у яму, то тогди душья іде по заслуги вічні”; “Доки не похоронит си кіла, доти душья ходит скрізь по свікі [по свету] де чоловік буў за житя і збирає гріхи”. Там же).

Границей между земным и потусторонним существованием души может быть и третий, и девятый день после смерти.

Наконец, следует упомянуть и характерное для некоторых восточнославянских областей (в частности, известное в Полесье и на Карпатах) представление, согласно которому душа остается на земле до тех пор, пока не умрет кто-нибудь еще: “Душья остає на земли так доўго, аж зноў хтос умре” [Гнатюк 1912 а: 325].

Любопытное свидетельство о регламенте и смысле посмертных ритуалов приводит из Сборника сказаний о загробной жизни XVIII века Ф.И.Буслаев: “В третий день восходит душа поклониться Христу, и того ради творим память за усопших. Два бо дни носима душа ангелом по земли, идѣже хошет, ово г дому, овогда же кѣ тѣлу. Третины же творим яко в третий день человек вида изменяется. Девятины же творим, яко в той день все зданіе растечется, токмо сердцу единому цѣлу. Четыредесятый же день творим, яко в той день и то самое сердце погибает, и костем развалившимся” [Буслаев 1859: 91]. Это свидетельство особенно интересно тем, что порядок ритуалов оказывается обусловленным этапами физического распада тела: на третий день изменяется лицо (вид), на девятый – все тело, кроме сердца, на сороковой день – погибает сердце и разваливаются кости.

Нередко хронотоп души после смерти ставится в зависимость от греховности или праведности умершего: душа праведного человека отходит в иной мир в срок (хотя этот срок, как мы видели, может быть разным), тогда как душа грешника задерживается на земле до тех пор, пока она не искупит свои грехи: “Єк чоловік умирає, то душа – ік праведний іде до неба, а ік трохи шос завинений, то до чистилища, а та, шьо гріхи має великі, то ходит по світі до страшного суду” [Гнатюк 1912 а: 325]. Душа некрещеного младенца летает над землей 7 лет, прежде чем превратится в русалку (Киев. губ. [Афанасьев 1995: 299]). По верованиям пинских полешуков, «люди злые, как-то: знахари, чародеи, утопленники, удавленники, а также и богачи после смерти остаются на земле до тех пор, пока внутренности их не сгниют. Потом дьявол входит в их трупы, и они начинают ходить по домам» [Булгаковский 1890: 191]. О том, что сокровенная связь души с телом сохраняется и после смерти, свидетельствуют также распространенные в православных славянских традициях представления о нетленности тела. При этом трактовка этого явления неоднозначна: если для северной Славии нетленность служит доказательством святости, то на Балканах, напротив, она считается признаком нечистоты и вампиризма. См. подробнее [Успенский 2000]. Ср. карпатское верование: “Єк котрий мирлець віглідає чорний, страшний, то душа іде до пекла, а єк файний, то до неба” [Гнатюк 1912 а: 326].

В этнографических описаниях славянского погребального обряда и представлений о смерти можно встретить разнообразные свидетельства о местах пребывания и путях перемещения расставшейся с телом души до того момента, пока она не обретет своего постоянного места в потустороннем мире. До сих пор локативные характеристики души сами по себе не привлекали внимания исследователей. Между тем оказалось, что они, пожалуй, не менее показательны в мифологическом плане, чем ее материальные воплощения, ибо столь же очевидно обнаруживают демонический характер души. Перемещения души после ее выхода из тела и до обретения ею «своего места» тоже подчинены строгому регламенту; «беспризорная» и «бесприютная» душа, оставшаяся без тела, стремится либо вернуться к своему телу, либо иным способом задержаться возле него – в одежде, в доме, в воде, в зеркале и т.п.; душа постепенно отдаляется от тела, преодолевая «телесное притяжение» и совершая при этом круговые движения, цетром которых остается покинутое душой мертвое тело. Если же еще учесть локализацию души в пределах тела, о чем говорилось выше, то абсолютным центром космического пространства оказывается человеческое сердце или другой орган тела, воспринимаемые как центр микрокосма.

Приводимый ниже материал, относящийся к посмертным земным странствиям души, подобран со специальной целью систематизировать локусы души вне тела, отмечаемые этнографическими свидетельствами как «релевантные». Хотя в каждой отдельной местной традиции не все из этих локусов могут быть значимыми, общая «концентрическая» логика локализаций прослеживается во всех случаях. Эти локализации очевидным образом распределены во времени между моментом смерти и моментом окончательного ухода души из земного мира, но это не значит, что каждый отдельный локус строго закреплен за каким-то определенным сроком.

Круг первый: оставленное тело.

Сразу же после кончины вылетевшая (чаще всего изо рта – см. выше) душа садится на **мертвое тело**: рус. смолен. «Душа вылитаить мятлушком, птичкый, мухый, пчелкый, и в таком виде садится на тело усопшаго» [Добровольский: 197]; карпат. “З давен-давна опвідають люди, що душа тіла стереже, поки його не поховують. Як тіло прикриють землею, то душа літає скрізь по світі і дивить ся, як хто робить. Аж рівно в шість тижнів Господь отворяє двері і пускає її до раю” [Гнатюк 1912 а: 367–368]; пол. «Mówią że dusza krąży przez pewien czas około ciała, dopóki ono nie spocznie w grobie, ale i później może ona się pokazać krewnym i znajomym w powiewnej, mglistej postaci ludzkiej albo jako mysz lub w innej formie (Говорят, что душа какое-то время кружит около тела, пока тело не найдет упокоения в могиле, но и позже она может являться родным и знакомым в виде воздушной или туманной человеческой фигуры, или в виде мыши, или в каком-нибудь другом образе) [Łęga 1960: 89]; «Twierdzą że dusza pozostaje przy zwłokach do chwili, gdy kapłan pokropi trumnę święconą wodą lub rzuci na nią grudki ziemi» [Утверждают, что душа остается при останках до тех пор, пока священник не окропит могилу святой водой или не бросит на него ком земли] (там же: 92).

Чаще всего (особено у восточных славян) полагают, что душа, выйдя из тела, садится в **изголовье** умершего: «Никто нэ бачить, як душа выходить. Зажигают свичку, целую нич горить в голове, так як душа в головах сидить, чтобы ей свитло було. Душа сорок днів по всим свити ходить» [ПА, Речица Ратнов. р-на Волын. обл., запись Е.Шакаловой]. «В час смерти человека в головах его полагают сосуд, наполненный водою, полотенце и камень: душа умершего, омывшись в сосуде и утершись полотенцем, встанет на камень чистая и непорочная полетит к Господу на поклонение» (нижегородск., [Зеленин 1915: 786]); “Єк чоловік умре, то душья стоїт у головах і чикає на тіло: ік божа, то з Ангелом, а ік грішня, то з Щезбим. Чоловіка до гробу спустють, а душья у свою дорогу” [Гнатюк 1912 а: 325].

Следующим прибежищем души становится **одежда** покойного. Македонцы в районе Велеса постель и одежду покойника вывешивали в сенях или перед комнатой, в которой он умер, чтобы его душа не блуждала по дому, а «свилась» в белье или одежде до сорокового дня, когда она обретет пристанище (« у Велесу се рубље или одело покојниково извеси испод трема или испред собе у којој је покојник издахнуо, а да му не би душа лутала по кући, но да би *се свила* , тј. привремено везала, око свог рубља или одела до четирдесетнице, када ће се душа *станити*» [Павловић 1957: 648]. В Боснии и Герцеговине также верили, что душа находится в одежде умершего, и потому нередко плакали над одеждой, как над покойником: «Други кажу, да се душа покојникова задржаје у мртвачкој соби око мртвачке постеле, а особито код хаљина покојникових, те око њих облијеће 6-7 дана. ... У Сарајеву узме супруга хаљине свог мужа и узимајући комад по комад нариче и плаче за мужем. Ово чини и мајка за сином и кћери. И у Херцеговини чине исто. Гимназијалац Черовић из Требиња видео је жену, гдје код хаљина плаче и свога мужа спомиње. На његов упит, што јој је, одговори му она кроз плач: «Е, мој синко, ми не видимо, али овуда око овијех хаљина облијеће душа мога покојнога Илије»» (Иные говорят, что душа покойника остается в комнате, где он умер, возле постели умершего и особенно в его одежде и там вьется 6-7 дней. ... В Сараеве супруга берет одежду своего мужа и, перебирая ее по кусочку, голосит и плачет по мужу. Так же оплакивает мать сына или дочь. И в Герцеговине поступают так же. Гимназист Черович из Требиња видел, как женщина плакала над одеждой своего мужа. На его вопрос, что она делает, женщина ответила: «Ох, сынок, мы не видим, а здесь, возле этих одежд вьется душа моего моего покойного Ильи») [Лилек 1894: 150]. У сербов Косова было принято ставить на то место, где лежал умирающий, стул с его одеждой «*da mu sedi tu, jednu, tri ili sedam noći*» (чтобы она тут для него (покойника) лежала одну, три или семь ночей) [Vukanović 1986: 315].

Подобное отношение к одежде отмечено у уральских старообрядцев: «В д. Красноселье Верещагинского района в 1988 году удалось узнать о редком отношении старообрядцев к одежде, в которой умирал человек. Ее не стирали, а только прополаскивали и вешали на чердак жилого дома. Там она висела до истления. Были случаи, когда дом продавали, хозяева менялись, а эту одежду не убирали, так как она воплощала в себе душу умершего» [Чагин 1993: 50].

Круг второй: дом.

Срок пребывания души в доме в разных свидетельствах различен – от 3 до 40 дней. Ср. полесские данные: «Душа остается три дня в хате; огонь, свечи три дня не тушат» [ПА, Жаховичи Мозыр. р-на Гом. обл.,

запись Э.Г.Азимова]; «Душа на третий день покидает хату, а до 12 дня приходит каждую ночь [ПА, Рубель Столин. р-на Брест. обл., запись Н.А.Волочаевой]. «Девять дней душа в хате живет, а потом по воздуху пошла. И стакан воды, як сховают [покойника], до девяти дней стоит, и каждый день воду подливают. Чашечка с водой на окне ў покути до 9 дён стояла, покудыва душа ходит, и постелю не прибирают» [ПА, Новинки Калинкович. р-на Гом. обл., запись Н.А.Волочаевой]; «Душа находится в хате 12 дней. Для нее оставляют в течение 12 дней на окне хлеб, воду и рушник. Воду подливают, хлеб меняют. На 12 день хлеб закапывают *в покуть с надвурка*. Воду выливают со двора на угол, где икона висит. На 3 день мертвому *очи промывають* – стирают его вещи, постель, холст, на котором опускали гроб в могилу: чтобы *душе было легче, штоб усе через воду прошло*. На 40-й день из меда варят сыту – чтоб душа больше не ходила» [ПА, Стодоличы Лельчиц. р-на Гом. обл., запись О.А.Седаковой]; «Душа 12 дён ў хати живет, потому печки не белять 12 дён, штоб пару не было» [ПА, Тонеж Лельчиц. р-на Гом. обл.]. «Свит треба свитить. Так кажут, треба, бо душа ходить. Даже ше й 12 дней треба шоб не тухло, горило» [ПА, Глинное Рокитнов. р-на Ровен. обл., запись И.А.Морозова]; «Дух – во як дым, до сорока дней в доме. Дух святы, нихто ёго не видит» [ПА, Горталь Ивацевич. р-на Брест. обл., запись И.Д.Смеркис]; «Душа ходит 12 дней у хати, а на земле ходит сорок дней» [ПА, Хоромск Столин. р-на Брест. обл., запись Н.А.Волочаевой]; «Говорать, што шесь нидель душа ў хати, а нихто не знае, чи вона грэшная, чи спасёна. Сорок дней минуло – воздух знимають и говорить: „душечка уже пошла на свое место“. А господь ее знае, куды вона иде» [там же]; «Душа ходит, а как поднимуць заздоровно, на одном месте находиця. А до того и по небу ходит и по земли, и три дни, и девять дён, а посля сорока уже не приходит» [ПА, Новинки Калинкович. р-на Гом. обл., запись Н.А.Волочаевой]. Крестьяне Тамбовской губ. верили, что «их родственники после смерти, до истечения шести недель, продолжают невидимо пребывать в том доме, где жили, и даже пользоваться пищею. На основании этого предположения, на ночь в доме всегда расстилается белая скатерть, на которой ставится кушанье, поедаемое за ночь покойником» [Бондаренко 1890: 121].

По верованиям сербов Косова, «душа *слоняется* вокруг своего дома неделю после того, как выйдет из человека» [Vukanović 1986: 323]. Сербы из Височской Нахии считали, что до первой годовщины смерти за покойником сохраняется его доля в доме, и все, что готовится «за упокой его души», входит в эту его долю («Рачуна се да мртвац до годину дана има свога исета [свој део] у кући и да је оно што се спреми за његову душу од тог његовог дела» [Филиповић 1949: 183]). Согласно некоторым

болгарским верованиям, «душа *спит* в доме сорок дней» [Вакарелски 1939: 22].

Регламент души может зависеть от «семейного положения» умершего: крестьяне западной Белоруссии верили, что «як умре бацько або маці ад дзецей, то тая душа сорок дзён прабувае у хаці. Калі умре жуонка або мужчына такі што дзецей ні мае, то яго душа жыве анно тры дні у хаці, а потым ідзе, дзе юй Буог празначыў» [Federowski 1897: 220, № 1035, 1036].

В доме прибежищем души могут стать разные места, так или иначе отмеченные в структуре интерьера – либо как пограничные части дома (окно, порог, стены, печь, дымоход, чердак, подполье), либо как сакральные локусы (углы, красный угол, божница), а также некоторые предметы утвари (веник, зеркало, ступа, жернова и др.).

В верованиях восточных славян наиболее значимым локусом в пределах дома является **окно**, служащее основным каналом связи между миром живых и миром мертвых. Через окно душа вылетает из дома и возвращается в дом как в сорокадневный период своего пребывания на земле, так и очень часто в дальнейшем, когда она посещает своих родных. На окно ставят воду и хлеб для души, на окно или за окно часто вывешивают полотенце, чтобы душа могла утереться: «Перед кончиною больного ставят на окно стакан с водой и вешают вблизи чистую тряпочку, чтобы изшедшая душенька омылась и обтерлась: многие видели, как вода в стакане колыхнулась от купанья души; для этой же цели иные держат стакан с водой в течение 40 дней» (Новгород. губ. [Зеленин 1915: 858]); «Душа край окна стоит у белой одеже, як чоловік помирае» [ПА, Новый Двор Пинск. р-на Брест. обл., запись Г.И.Трубицыной]; «Тылько поховають покойника, до сорока дэнь наліют воды чи водкы ў стакан і хліба с солю, поставят на вокно, а потым прымають. Кажут, душа е і вона приходэ. По дому, по хати скрызь ходыт до сорок дэнь»; «[Стакан с водой] ставляють, калі лежыць покойнік, на ўкне стоіць, большэ чэ́м не́дзелю. Той воды поставлять і всё, не мяняють. Душа прыходзіць, пьё, бутто. До сорок дзней, а паслі покойнік убіраецца з дому» [ПА, Мокраны Малорит. р-на Брест. обл., запись Н.А.Волочаевой]; «Выйдзя из тела, душа садится на окно и наблюдает, как обряжают тело. Когда обрядят, она идет себе на суд» [Гнатюк 1912 а: 325].

Обиталищем души могут считаться **стены** (ср. «Раз мни бабы рассказывали, что человек уже умер, так тень всё ходила по стенам – то душа была» [ПА, Дубровица Хойниц. р-на Гом. обл.]), поэтому у восточных славян запрещалось белить или подбеливать стены, когда в доме находится покойник и в поминальные дни и периоды из опасения «замазать глаза покойникам»; при побелке иногда оставляли нетронутым небольшой участок стены – «для душ» (см. [Терновская 1995]). В Полесье,

«як пэрший раз пусля покойныка белять хату, то йдуть на могылку, закрывають ей настольныком, бо закалыть ёму глаза» [ПА, Озерск Дубровиц. р-на Ровен. обл., запись Л.Н.Виноградовой]. В этом свидетельстве мы встречаемся с характерным совмещением представлений о пребывании души на стенах дома и – в могильной земле. Часто в доме вообще не белили место **за иконами**, где, по поверьям, обитали души: «Колысь так люды казали: за образками она [душа] сыдыть» [ПА, Чудель Сарнен. р-на Ровен. обл., запись автора]; «После смерти душа 9 дней сидит за образами. А потом, если праведник – в рай; если грешник – в ад» [ПА, Жаховичи Мозыр. р-на Гом. обл., запись автора]; см. также [Гура 1997: 439].

С пребыванием душ умерших в **углах дома** связаны обычаи «кормления предков» и домовых в рождественский сочельник (Карпаты, Балканы) и другие формы почитания углов (см. статью Н.И. Толстого в наст. издании). У восточных славян особенно почитается **красный угол**: «Душа покойника сидит 9 дней на покути, а потом уходит куды хоче. Хату поэтому нельзя 9 дней белить. Через 40 дней после смерти она уходит на небо» [ПА, Велута Лунинец. р-на Брест. обл., запись Э.Г.Азимова]; «Гэта водичка, што 12 дён, кажный день выливаюць и на сход сонца, и на заход, паляць свечку и моляцца. На покуци вона стоиць, там и рушник вэсиць. Тую воду льюць на дворе под покуць» (ПА, Рубель Столин. р-на Брест. обл., запись Н.А.Волочаевой). Часто именно в **полотенце**, висащем у окна или на иконах, видят пристанище души, и по его колыханию узнают о ее присутствии.

Тесную связь с культом предков обнаруживает **печь**: «У нас говорят, што на пэчке у куточку сидит душа до сорок дэнь» [ПА, Мокраны Малорит. р-на Брест. обл., запись Н.А.Волочаевой]; ср. распространенный обычай дотрагиваться руками до печи или заглядывать в печь после возвращения в дом с похорон, чтобы не бояться покойника. Часто, однако, пребывание на печи, под печью, в дымоходе приписывается «нечистым» или грешным душам (см., например, быличку о грешной душе, отбывающей наказание «под припечком» больше ста лет, в [Булашев 1993: 93]). Они могут пребывать также в **трубе**, на **пороге** хаты (укр. харьков.), в **голбце** (сев.-рус.) – см. [Зеленин 1995: 73; 301] (ср. обычай погребения мертворожденных и некрещеных детей под порогом, под печью, под полом и т.п.); на **чердаке** и на **крыше** (серб. [Чајкановић 1994/2: 158]).

У южных славян еще одним значимым локусом в доме является **место, на котором лежал и умер больной**. На этом месте складывают одежду и постель покойного, обязательно зажигают свечу, которая горит в течение 40 дней; ставят воду, вино, кладут хлеб, ср. [Vukanović 1986: 315, 323], [ЕМ: 372]. Это же место становится объектом оберега: в скамью, на которой лежал умерший, или в пол под ней забивают гвоздь сразу после

выноса тела, это место (или специально место, где находилась голова покойника) поливают вином, на него кладут топор и т.п. Все это делается для того, чтобы душа не стала вампиром и не возвращалась в дом (см. [Толстой 1995: 493]).

Среди предметов домашней утвари местом пребывания души чаще всего называется **веник**: “Одні кажут, шьо душа ходит по тім стебілечку, шьо валєє си по хаті, по землі, а другі кажут, шьо ховає си у той віник, шьо ним хату замітають, а єнчі кажут, шьо душа сидит на вікні коло свого тіла. І для того кладут віник коло порога у хаті і ни вільно єго брати у руці нікому і ним замітати по хаті, аби ни конірувати тим замітанєм покійного умерлого душу. Єнчі кажут, шьо душа стоїт коло тіла тай умерлий єк доўго лежить у хаті, то усьо чюї, шьо говорі за него, лиш говорити ни можи, бо у нім нима душі” [Гнатюк 1912 а: 323–324]. “Кажуть, шо душа сидит у вінику за гріхи тілесні” [там же: 324]. Пристанищем души мог мыслиться и **мусор** (отсюда запрет выносить мусор из дома или вообще мести пол, пока покойник находится в доме, а также на святках), и **мусорная куча** (у сербов).

Поляки, жившие в долине реки Рабы, были убеждены, что в течение трех дней после смерти душа сидит в **ступе и жерновах**, поэтому они в эти дни остерегались что-либо толочь или молоть [Świątek 1893: 134].

Наконец, как уже упоминалось, прибежищем душ считалось **зеркало**, в котором могли находиться души не только в первые дни после смерти, но и вообще души предков, когда-либо обитавших в доме и оставивших в зеркале свои отражения, и даже души живых обитателей дома (см., например, [Чаїкановић 1994/2: 455]).

Демоническая природа души ярко проявляет себя в полесском обычае “изгонять душу” из дома после похорон, для чего выметали веником комнату, где лежал покойник, и размахивали топором [ПА, Андроново Кобрин. р-на Брест. обл., запись К.С. Корнелюка]. В других восточнославянских регионах ритуал выпроваживания души из дома мог носить менее агрессивный характер и совершаться в сороковой день. У русских Поочья, так же как и во многих других регионах, он назывался “проводы души”: “В с. Ушинке родственники умершего еще в день смерти достают из сундука полотенце и вывешивают его со стороны окна у полки с образами (*полицке*). Полотенце висит здесь до сорокового дня. На сороковой день после обеденных поминок один из родственников говорит: “Ну, пошли провожать”. Две-три женщины выносят стол на улицу и ставят его на проезжей части. В это время присутствующие на поминках следят за висящим у икон полотенцем. Считается, что полотенце покидает *душка*, которая *улетает*, и потому оно колыхнется. Когда все выйдут из избы, одна из женщин (не девушка и не мужчина) снимает полотенце с гвоздя и, подойдя к двери, с порога начинает махать им, приговаривая: “Ну, все,

душенька, пошли, уходи к себе, иди к Богу”. К столу эта женщина идет последней и по пути машет полотенцем и отгоняет душу, все время приговаривая” [Кутенков 2000: 25]. Уральские старообрядцы с этой же целью на 40-й день снимали с икон и выносили на окраину деревни полотенце, висевшее там со дня смерти (малейшее движение его принимали за “шевеление души”), и встряхивали его – этот обряд тоже назывался проводами души [Чагин 1993: 27].

В поминальные дни праведные души приходят в свои дома (для чего часто в эти дни оставляют незапертыми двери или окна), осматривают своих детей, скот, хозяйство, радуются благополучию и плачут над бедой, а грешным душам нельзя входить в дом, им позволено лишь заглянуть в дом через окно: «Ї ночы між Їсіх Сьвятых а Задушным днём души змарлыє з неба, з пекла, з атхлані і з чысьца прыходзяць да дому, агледаюць сває дзеткі, жывіну, гаспадарку, але іх ніхто ні бачыць, а ены ўсіх і ўсенько бачаць і з добрага пацешацьсе, над ліхім паплачуць. Перад самым сьветам ідуць да касьцёла і ім іх ксёндз мшу правіць, а по мшы ідуць ўсе на сваё месца. А каторыя души живуць у пеклі, то ім туолькі можна праз окна да хаты і касьцёла паглядаць» [Federowski 1897: 221, № 1045].

Круг третий: между домом и кладбищем.

За пределами дома и кладбища на земле сравнительно немного мест, с которыми связаны представления о пребывании душ до их ухода из земного мира. К ним можно отнести лишь локусы, непосредственно примыкающие к дому или даже составляющие его внешнюю сторону, такие как место **под стрехой** (ср. кашуб. «Podczas deszczu nie należy chodzić pod okapem, bo kej deść padö, duşe növocі stoju pueд uustřexu, żejbё ueda pou ёё scekaјła» (Во время дождя не следует ходить там, где стекает с крыши, т.к. когда идет дождь, души стоят под стрехой, чтобы на них стекала вода). [Sychta 1: 206]; как внешняя сторона **красного угла**, куда часто выливают воду, которой мыли покойника; как место **под крыльцом**, соотносимое с порогом. Вместе с тем, нередко отмечается, что душа тяготеет к своему дому, блуждает вокруг него как в период своей «земной» жизни, так и после ухода, в дни поминальные или праздничные, когда она приходит навестить свой дом: «Душа ходить кругом будынку три недилі і на протязі всього цього часу на вікні стоить стакан з водою і на столі хліб» [ПА, Н.Радча Народич. р-на Житомир. обл.]; «Народ верит, что «родительские душеньки» на святках скитаются около своих домов» [Зеленин 1994: 165].

Вне «домашнего» пространства оказываются значимыми локусы, в которых обитают души заложных покойников, – **перекрестки, межи, рвы** вблизи кладбищ или под кладбищенской стеной. Ср.: “В Подольской губ.

потерчат обыкновенно хоронят за кладбищем или у перекрестка двух дорог. Есть поверье, что души их летают близ могилы и вечером у путников просят крещения. ... По прошествии семи лет потерчата превращаются в мавок, *сэмыліток*» [Зеленин 1995: 71].

Круг четвертый: кладбище.

В народной традиции кладбище и связанные с ним верования занимают совершенно особое положение. И дело не только в том, как соотносятся в этом случае христианские и мифологические (дохристианские, языческие в своей основе) образы посмертного существования и загробного мира. Кладбище в своем культурном содержании обнаруживает парадоксальное сочетание несовместимых понятий и представлений; кардинальные «идеологические» оппозиции, такие как небесный – земной мир, тело – душа, перестают быть значимыми и снимаются. Кладбище оказывается одновременно и земным пространством, и «тем» светом, потусторонним миром, страной мертвых. В нем покоятся **тела** умерших, после того как их покинула душа, остающиеся принадлежностью земного мира, но оно почитается людьми как сакральное место, как обитель **душ**, принадлежащих неземному, иному, небесному миру. Само христианское освящение кладбищенской земли и могил предполагает присутствие в них не только мертвых тел, но и вечно живых душ. В традиционных верованиях трактовка кладбища как обители душ предков находит самое прямое отражение.

В народных представлениях нет четко выраженных временных границ и сроков пребывания душ в пределах кладбища, но все-таки более определенные свидетельства, проливающие свет на формы и способы существования душ, относятся к периоду, ограниченному днем похорон и сороковым днем по смерти. По верованиям карпатских украинцев, во время погребения душа стоит над могилой и наблюдает за тем, что происходит с покинутым ею телом: «Душа, оставляющая тело – невидима, но при этом она является каким-то телом. Сразу же по выходе из тела она отправляется к своим родным и знакомым, которые умерли раньше. Место это (где родные) точно не определено, но дорога до него темна, и потому умирающему дают в руки свечу, чтобы он мог ею осветить себе дорогу. Тут до звона в колокол душа может разговаривать со своими родными и знакомыми. Потом она идет на суд и ее судят за добрые и злые дела. Но затем она снова возвращается на землю и во время погребальных обрядов она летает около гроба. При погребении душа стоит над вырытой могилой и ничего не делает. Тут она пассивный наблюдатель. Идет в дом и на поминках („комашня”) стоит сбоку. Ей оставляют еду» [Потушняк 1938].

Широко распространены верования, согласно которым души умерших постоянно пребывают **в могилах** и выходят из них только в поминальные дни и крупные праздники, чтобы навестить своих близких. Жительница полесского села Тхорин (Овруч. р-на Житомир. обл.) рассказывала, что однажды она видела процессию душ, шествовавших с кладбища в село с зажженными свечами, по которым и можно было их распознать, т.к. сами души были невидимы. Нередки также представления, что души обитают **вокруг могил** – летают над могилами в виде огоньков или светящихся облачков пара (см., например, Афанасьев 1995: 81), сидят в надгробных камнях [Павлович 1957], крестах или специально посаженных для них (часто на сороковой день по смерти) на могиле деревьях (см., например, [Чайканович 1994/2: 410]). Эти верования особенно характерны для южных славян.

На западе Полесья отмечены любопытные представления, по которым душа умершего сидит **на кладбищенских воротах** или **на могильном кресте** и «сторожит» следующего покойника, который должен сменить ее на этом посту: «У нас так говорили, што хто умрэ, то стоить тая душа на варте [на воротах кладбища] и ждёт другу душу, што ее сменит. Як покойника везуть на клаўбища, то кажуть, вона [душа] его дожидае. [ПА, Мокраны Малорит. р-на Брест. обл., запись Н.А.Волочаевой]; «У нас уже умэр хто, а за йим худко умрэ другой, то говорят: „От, недолго сторожил”. На крестах душа сторожит» [ПА, Заозерная Малорит. р-на Брест. обл., запись Н.А.Волочаевой]. Таким образом, между сферой жизни и сферой смерти никогда не остается «зияния» или разрыва, могущего быть опасным; живые и мертвые встают в единую шеренгу и заполняют собой пространство, разделяющее жизнь и смерть. Ср. поверья вологодских крестьян, согласно которым, на сороковой день душа приходит прощаться с семьей и приводит с собой нового покойника, т.е. душу того, кто должен умереть в следующий черед [Брагина 1980: 75].

Среди земных локусов вне дома и вне кладбища пристанищем душ могут быть **воды** и **камни**, растения (деревья) и специально троицкая **зелень**, например, ветки и листья клена (Полесье) или ореха (Болгария), которыми устилали пол в доме или в церкви на Троицу.

Грешные души имеют свои характерные места обитания: они сидят **под мостом** (ср. «Убиўца душу ны прымае [Бог], то вона под мостом сидыт» [ПА, Мокраны Малорит. р-на Брест. обл., запись Н.А.Волочаевой]; **под камнем** (поэтому, по польскому обычаю, следует, споткнувшись о камень, прочесть молитву), **в скрипучем дереве** (ср. [Богданович 1895: 29–30]), **на вербе** в виде черных птиц [Mencsej 1995: 201], в речном **омуте** (там пребывают души утопленников); они обращаются в **хищных животных** и птиц; они летают в **ветре** и **вихре** (см. статью А.А.

Плотниковой в наст. издании); и т.п. Часто местом пребывания «нечистых» душ (особенно висельников, утопленников, самоубийц, двоедушников, а также некрещеных детей) считаются **облака** и **тучи** (Польша, Карпаты, Балканы). Однако в ветре и в тучах могут пребывать и «чистые» души предков. По убеждению жителей восточной Сербии, “Душа је дук. То су ветрови. Душа је ветар, оде у ветрове” (Душа – это дух. Это ветры. Душа – это ветер, она идет в ветры) [Петровић 1939: 32]. В Брянской области недавно было записано заклинание, адресованное душам умерших родителей, пребывающих в туче (это сравнительно редкое свидетельство на фоне более распространенных представлений о пребывании в тучах душ заложных покойников): “А я етой тучи не боюся, / А я етой грозной не боюся. / А у етой туче – мой батюшка. / А у етой туче – мой родненький. / А у етой туче – моя матушка. / А у етой туче – моя родная” [Пашина 1998: 85].

«Тот свет», где пребывают души после их окончательного освобождения, может локализоваться в народных верованиях во всех сферах космоса – на небе, на земле, в земле, под землей, на краю земли, в воде и под водой, в воздухе и тучах. Его география и топография, так же как и тема пути души к месту ее вечного пристанища, нуждается в специальном исследовании и здесь нет возможности об этом говорить. Хотелось бы лишь подчеркнуть, что все локусы, которые отмечены присутствием души – начиная от органов человеческого тела и кончая запредельными краями мироздания – образуют единое целое, сплошное пространство, концентрически расходящееся из сердца человека и уходящее в бесконечность. И если в земной жизни человека душа владеет лишь тесным жилищем тела, то после его смерти ей принадлежит весь мир.

Литература и сокращения

- АА – Архангельский архив Отдела этнолингвистики и фольклора Института славяноведения РАН.
- Арх.ЕИМ – Архив на Етнографски Институт и музей при БАН. София.
- Афанасьев 1995 – *А.Н. Афанасьев*. Происхождение мифа. М., 1995.
- БВКЗ – Быт великорусских крестьян-землепашцев. Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева (на примере Владимирской губернии). СПб., 1993.
- БМ – Българска митология. Енциклопедичен речник / Составител А. Стойнев. София, 1994.
- Богданович 1895 – *А.Е. Богданович*. Прежитки джревного миросозерцания у белорусов. Гродно, 1895.

- Бондаренко 1890 – *В. Бондаренко*. Поверья крестьян Тамбовской губернии // Живая старина. 1890. Вып. 1. С. 115–121.
- Брагина 1980 – *Н.А. Брагина*. Диалектная лексика обрядов семейного цикла (родинного и похоронного) Череповецкого и Шекснинского районов Вологодской области. Дипломная работа. МГУ. 1980. Машинопись.
- БСУ – Библиотека Софийского университета.
- Булашев 1993 – *Г. Булашев*. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. Космогонічні українські народні погляди та вірування. Київ, 1993 [укр. перевод рус. издания 1909 г.].
- Булгаковский 1890 – *Д.Г. Булгаковский*. Пинчуки. Этнографический очерк. СПб., 1890.
- Буслаев 1859 – *Ф. Буслаев*. Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. 1958 го. Статья первая // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. Т. 1. М., 1859. С. 74–101.
- Вакарелски 1939 – *Х. Вакарелски*. Понятия и представи за смъртта и душата. София, 1939.
- Вакарелски 1990 – *Х. Вакарелски*. Български погребални обичаи. Сравнително изучаване. София, 1990.
- Вельмезова 1999 – *Е.В. Вельмезова*. Текст человека и болезни: чешский лечебный заговор (Опыт исследования семантической структуры). Автореферат кандидатской диссертации. М., 1999.
- Виноградова 1999 – *Л.Н. Виноградова*. Материальные и бестелесные формы существования души // Славянские этюды. М., 1999. С. 141–160.
- Гнатюк 1912 – *В.М. Гнатюк*. Знадоби до української демонології. Т.2. Вип.2. // Етнографічний збірник. Львів, 1912. Т. 34.
- Гнатюк 1912 а – *В. Гнатюк*. Похоронні звичаї й обряди // Етнографічний збірник. Львів, 1912. Т. 31–32. С. 131–424.
- Гнатюк 1991 – *В.М. Гнатюк*. Останки передхристиянського релігійного світопогляду наших предків // Українці: народні вірування, повір'я, демонологі. Київ, 1991. С. 383–406.
- Гура 1997 – *А.В. Гура*. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Даль 1996 – *В.И. Даль*. О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа: Материалы по русской демонологии. СПб., 1996.
- Добровольский – *В.Н. Добровольский*. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.
- Добровольский 1894 – *В.Н. Добровольский*. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1894. Ч. II.

- Дукова 1988 – У. *Краенброк-Дукова*. Представите на славяните за душата (По езикови данни) // Славистичен сборник БАН. София, 1988. С.214-219.
- Ђорђевић 1938 – Т.Р. *Ђорђевић*. Неколики самртни обичаји у Јужних Словена // Годишњица Николе Чупића. Београд, 1938. Т. 47. С. 153–191.
- ЕМ – Етнография на Македонија. Материали из архивното наследство [Извори за българската етнография. Т. 3]. София, 1998.
- ЖС – Живая старина. М.
- Зеленин 1915 – Д.К. *Зеленин*. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Пг., 1915. Вып. 2.
- Зеленин 1994 – Д.К. *Зеленин*. Избранные труды. Статьи по духовной культуре 1901–1913. М., 1994.
- Зеленин 1995 – Д.К. *Зеленин*. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995. 2-е изд.
- Зечевић 1967 – С. *Зечевић*. Представе о другом свету у становништва влашког говорног језика Крајине и Кључа // Развитак. Заечар, 1967/4–5. С. 82–84.
- Златковић 1989 – Д. *Златковић*. Фразеологија страха и наде у Пиротском говору. Београд, 1989 (СЕЗб. 1989. Књ.35).
- Иваницкий 1890 – Н.А. *Иваницкий*. Материалы по этнографии Вологодской губернии // ИОЛЕАЭ. 1890. Т. 69. Труды этнографического отдела. Т. 11, вып. 1.
- Кабакова 1999 – Г.И. *Кабакова*. Адам и Ева в легендах восточных славян // Живая старина. 1999. № 2. С. 2-4.
- Кабакова рук. – Г.И. *Кабакова*. Жизнь женщины в зеркале языка и традиционной культуры Полесья. Опыт этнолингвистического исследования. 1999. Рукопись.
- Климчук 1975 – Ф.Д. *Климчук*. 3 лексікі цэнтральнага Загароддзя // 3 народнага слоўніка. Мінск, 1975. С. 135–153.
- Криничная 1989 – Н.А. *Криничная*. Концепция происхождения человека (по данным мифологии, фольклора и ранних философско-медицинских учений) // Фольклористика Карелии. Петрозаводск, 1989.
- Кузнецова 1998 – В.С. *Кузнецова*. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998.
- Кутенков 2000 – П.И. *Кутенков*. Символика траурной одежды старинных сел Поочья // Живая старина. 2000. № 1. С. 24–26.

- Левкиевская, Плотникова 1999 – *Е.Е. Левкиевская, А.А.Плотникова. Двоедушники // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под. общей ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 29-31.*
- Лилек 1894 – *Е. Лилек. Вјерске старине из Босне и Херцеговине // Гласник Земалског музеја Босне и Херцеговине. Сарајево, 1894. Књ. VI.*
- Логинов 1993 – *К.К. Логинов. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993.*
- Милићевић 1894 – *М.Ђ. Милићевић. Живот Срба селяка // СЕЗб. 1894. Књ. 1.*
- Михеев 1999 – *М. Михеев. Отражение слова “душа” в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 145–158.*
- Никитина 1999 – *С.Е. Никитина. Сердце и душа фольклорного человека // Образ мира в культуре и языке. М., 1999. С. 26-38.*
- ОГ – Орловские говоры. Проблемы изучения. Орел, 1997.
- ПА – Полесский архив Института славяноведения РАН.
- Павловић 1957 – *М. Павловић. Камен станац и везивање душе. Фолклористичко-семантичка расправа // Гласник Етнографског института САНУ. Београд, 1957. Књ. 2-3. С. 611-661.*
- Пашина 1998 – *О.А. Пашина. Календарно-песенный цикл у восточных славян. М., 1998.*
- Петрова 1982 – *А. Петрова. Норми и забрани, свързани с косите, брадите и мустаците в битова и обредната практика на славянските народи. София, 1982. Рукопись, хранящаяся в Библиотеке Софийского университета.*
- Петровић 1939 – *А. Петровић. Грађа за изучавање наше народне религије // Гласник Етнографског музеја. Београд, 1939. Књ. 14. С. 31-42.*
- ПЗП – На путях из земли Пермской в Сибирь. М., 1989.
- Плотникова 1999 – *А.А. Плотникова. Здухач // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под. общей ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 303-305.*
- Попов 1996 – *Г. Попов. Русская народно-бытовая медицина // М.Д. Торэн. Русская народная медицина и психотерапия. СПб., 1996.*
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., 1967–. Вып.1–.
- Потушняк 1938 – *Ф. Потушняк. Душа в народнім повірју села Осій // Науковий збірник Товариства “Просвіта” в Ужгороді. Ужгород, 1938. Річник 13-14. С. 33-44.*
- Потушняк 1941 – *Ф. Потушняк. Самоубійцѣ в народном вѣрованю // Литературна недѣля Подкарпатского о-ва наук. Унгвар. 1941. Роч. 1. С. 21–22, 31–32.*

- Потушняк 1943 – *Ф. Потушняк*. Подорож душъ на другий свѣт (следи о переводникови) // Литературна недѣля. Унгвар, 1943. Роч. 3. С. 176-177.
- Потушняк 1943 а – *Ф. Потушняк*. Останки культу предков // Литературна недѣля. Унгвар, 1943. Роч. 3. С. 193-220.
- ПЭС – Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М., 1983.
- Раденковић 1996 – *Љ. Раденковић*. Народна бајања код Јужних Словена. Београд, 1996.
- Разумовская 1984 – *Е.Н. Разумовская*. Плач с «кукушкой». Традиционное необрядовое голошение русско-белорусского пограничья (по материалам экспедиций 1971–1981 гг.) // Славянский и балканский фольклор. Этногенетическая общность и типологические параллели. М., 1984. С. 160–178.
- СБНУ – Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1889–. Кн. 1–.
- СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под. общей ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1; 1999. Т. 2.
- СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988 –. Т. 1–.
- Соболев 1999 – *А.Н. Соболев*. Загробный мир по древнерусским представлениям // Мифология славян. СПб., 1999.
- Срезневский – *И.И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903. Т. 1–3.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994–. Вып. 1–.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., 1965–. Вып. 1–.
- Станкевић – *Я. Станкевић*. Белорусско-русский (Великолитовско-русский) словарь. New York. Б/г.
- Терновская 1989 – *О.А. Терновская*. Бабочка в народной демонологии славян: ‘душа-предок’ и ‘демон’ // Материалы к VI. Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30. VIII.89 – 6.IX.89. Проблемы культуры. Москва, 1989. С. 151–160.
- Терновская 1995 – *О.А. Терновская*. Белить // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т.1 С. 148-149.
- Терновская, Толстая 1995 – *О.А. Терновская, С.М. Толстая*. Агония // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т.1. С. 90–92.
- Толстая 1998 – *С.М. Толстая*. О нескольких ветхозаветных мотивах в славянской народной традиции // От Бытия к Исходу. М., 1998. С. 21-37.

- Толстая 1999 – *С.М. Толстая. Душа* // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И.Толстого. М., 1999. Т.2. С. 162-167.
- Толстой 1995 – *Н.И. Толстой. Гвоздь* // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И.Толстого. М., 1995. Т.1. С. 493–494.
- Толстой 1996 – *Н.И. Толстой. Мифологическое в славянской народной поэзии. 2. Предсказание смерти в колоде или сосуде* // ЖС. 1996. № 1. С. 28–29.
- Урысон 1999 – *Е.В. Урысон. Дух и душа: к реконструкции архаичных представлений о человеке* // Образ человека в культуре и языке. М., 1999. С. 11-25.
- Успенский 2000 – *Ф.Б. Успенский. Нетленность мощей. Греческая, русская и скандинавская традиции* // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. Тезисы докладов и материалы международного симпозиума. М., 2000. С. 42–45.
- Филиповић 1939 – *М.Филиповић. Обичаји и веровања у Скопској Котлини* // СЕЗб. 1939. Књ. 54. С. 277–566.
- Филиповић 1949 – *М.Филиповић. Живот и обичаји народни у Височкој Нахији* // СЕЗб. 1949. Књ. 61.
- ФРБЕ – Фразеологичен речник на българския език. София, 1974, 1975. Т. 1, 2.
- ФСУМ – Фразеологічний словник української мови. Київ, 1993. Кн. 1, 2.
- Чагин 1993 – *Г.Н. Чагин. Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX в.* Пермь, 1993.
- Чажкановић 1924/1994 – *В.Чажкановић. Домаћа религија и култ. 1. Душа* // В.Чажкановић. Сабрана дела из српске религије и митологије. Књ.5. Стара српска религија и митологија. Београд, 1994. С. 72-104.
- Чажкановић 1994 – *В.Чажкановић. Сабрана дела из српске религије и митологије.* Београд, 1994. Књ.1–5.
- Шмелев 1997 – *А.Д. Шмелев. Дух, душа и тело в свете данных русского языка* // Т.В.Булыгина, А.Д.Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 523-539.
- ЭО – Этнографическое обозрение. М.
- Юмсунова, Майоров 2000 – *Т.Б. Юмсунова, А.П. Майоров. Обряжение и проводы покойников у семейских Забайкалья* // Живая старина. 2000. к 1. С. 10–13.
- Bartoš – *F. Bartoš. Dialektický slovník moravský.* Praha, 1905–1906. Т. 1–2.
- Bednárík 1943 – *R. Bednárík. Duchovná kultúra slovenského ľudu* // Slovenská vlastiveda. Bratislava, 1943. Т. 2. S. 5–121.

- Bulat 1922 – *P. Bulat*. Prostonarodna filosofija o duši // Narodna starina. Zagreb, 1922. Knj. 1. S. 234-243.
- Chorváthová 1984 – *L'. Chorváthová*. Rodinné zvykoslovie // Národopisné informácie. 1984. Č. 1. S. 94–184.
- Federowski 1897 – *M. Federowski*. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. T. 1.
- Lehr 1984 – *U. Lehr*. Wierzenia w istoty nadzmysłowe // Etnografia polska. 1984. T. 28. Z. 1. S. 223-250.
- Łęga 1960 – *W. Łęga*. Okolice Świecia. Gdańsk, 1960.
- Matešić – *J. Matešić*. Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1982.
- Mencej 1995 – *M. Mencej*. Duša umrlega kot žival pri starih Slovanih // Anthropos. 1995/5-6. S. 198-212.
- Moszyński 1928 – *K. Moszyński*. Polesie Wschodnie. Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz z powiatu rzeczyckiego. Warszawa, 1928.
- Moszyński 1967 – *K. Moszyński*. Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. T.2. Kultura duchowa. Cz. 2.
- Pietkiewicz 1938 – *Cz. Pietkiewicz*. Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego. Materiały etnograficzne. Warszawa. 1938.
- Skorupka – *S. Skorupka*. Słownik frazeologiczny języka polskiego. Warszawa, 1967–1969, T. 1–2.
- Smešková – *E. Smešková*. Malý frazeologický slovník. Bratislava, 1988.
- Sychta – *B. Sychta*. Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967-1976. T. 1-7.
- Świętek 1893 – *J. Świętek*. Lud nadrabski od Gdowa po Bochnię. Obraz etnograficzny. Kraków, 1893.
- Vukanović 1986 – *T. Vukanović*. Srbi na Kosovu. Vranje, 1986. T. 2.
- Wierzbicka 1990 – *A. Wierzbicka*. *Duša* (~ soul), *toska* (~ yearning), *sud'ba* (~ fate): three key concepts in Russian language and Russian culture // Metody formalne w opisie języków słowiańskich / Pod red. Z. Saloniego. Białystok, 1990. P. 13-36.
- Zaorálek – *J. Zaorálek*. Lidová rčení. Praha; Brno, 1947.
- Záturecký – *A.P. Záturecký*. Slovenská přísloví, pořekadla a úsloví. Praha, 1896.
- ZWAK – Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1877–1895. T. 1–18.